

Литературная газета

№ 1 (564)

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Воскресенье, 5 января 1936 г.

ПЕРЕВОД— ТВОРЧЕСКАЯ РАБОТА

Открывшееся первое всесоюзное совещание переводчиков, как и следовало ожидать, всколыхнуло самые широкие литературные круги. Уже сам состав совещания, на котором присутствуют, помимо профессиональных переводчиков, поэты, писатели, редактора и критики, говорит о степени интереса к межнациональным переводам в нашей социалистической стране. Это и понятно. Культурная революция предъявляет к художественной литературе и к ее переводческому сектору все более и более повышенные требования. И хотя в вечность кануло положение, при котором великий демократ Белинский с горечью замечал, что в России нет людей, способных перевести Данте и сколько угодно переводчиков Пюль де Кока, все же наша переводческая работа не справляется с поставленными задачами.

Именно поэтому первое слово на совещании принадлежало самокритике.

Во всех национальных республиках работают огромные кадры переводчиков, обогащая национальные литературы шедеврами русской и мировой литературы.

О размерах переводческой работы может свидетельствовать такой факт, как перевод за четыре года на Украине около 1.000 названий художественной литературы, в то время как за период свыше ста лет до Октябрьской революции на украинский язык было переведено 50 названий. На самые отсталые в прошлом языки сейчас переводятся Пушкин, Толстой, Шекспир, Шиллер, Гете и другие классики мировой литературы. Достаточно напомнить, что 75 проц. издательского плана Таджикиздата уделено переводной литературе.

Но сами переводы еще оставляют желать лучшего.

Основной докладчик на конференции тов. Альтман привел целый ряд примеров вопиющих искажений при переводах как классиков марксизма, так и классиков художественной литературы.

Основной бедой, основным злом в нашей переводческой практике является слепой натуралистический перевод, неумелая, рабская дословщина, корни которой уходят в чрезвычайно изыскую общую культуру значительной части наших переводческих кадров, особенно на периферии.

Хороший музыкант-исполнитель верно передает замысел композитора. Однако виртуоз-исполнитель музыкант не только верно, но и в то же время по-особому передает произведение. Дело тут не только и не столько в музыкальной технике, сколько в глубоком понимании души произведения, его внутреннего смысла.

Натуралистический перевод в данном случае может быть сравнен не с игрой виртуоза, а скорее с бездушной барабанным танера.

Таким путем борьба с дословщиной, в сочетании со стремлением наиболее точно передать мысли автора, является борьбой за высокую общую культуру переводчика, за высокий художественный вкус и чутье, за его проникновение во всю глубину той культуры, которая породила переводимого им автора. Только такой перевод может быть назван творческим переводом. Только при этом условии переводимое произведение будет жизненно и правдиво отражать подлинник.

Второй опасностью является формалистический перевод. Эта опасность особенно велика в поэзии, когда в угоду ритму, мелодии, звуковой форме стиха искажается его смысл, его познавательное значение.

Творческий перевод поэзии требует сохранения содержания, формы, соблюдения размера, ритма и всей стихотворной системы, и не допускает искажения в содержании, во взаимоотношениях образов.

Настоящий творческий перевод сочетает адекватность содержания и формы. Таков перевод «Илиады» Гнедина, таков перевод «Одиссеи» Жуковского. Формалистический перевод по части содержания почти всегда —вольный перевод, и против него мы должны бороться самым решительным образом.

Натурализм и формализм смыкаются в искажении оригинала. Один обожествляет каждое слово и запятую оригинала, видя в них самоцель, другой обожествляет форму произведения.

Третье зло — импрессионизм в переводе. Переводчики этого порядка, по существу, перекалывают, причем перекалывают, действующего по собственному капризу. Переводчик-импрессионист включает в себя все недостатки натуралистического и формалистического перевода. Он также работает без метода и при этом осознанно, без перевода — содержания оригинала. Мы боремся против рационалистического, сугубо отношения к слову, разрушающего поэтическую тишину произведения, но также и против искажений звучания подлинника, к которому склонны импрессионисты.

Наконец, четвертой опасностью является экзотический, стилизованный перевод. Этот вид перевода наиболее опасен для нас враждебен, ибо он является маской собственных реакционных настроений переводчика. Стилизатор плавают по поверхности поэтического творчества. Он грубо искажает произведение в угоду своему шовинистическому представлению о национальной форме и стиле произведения.

Чрезвычайно высокие требования, которые мы предъявляем к переводу, заставляют внимательнейшим образом присмотреться к материально-бытовому положению кадров переводчиков. Совершенно неприемлемо обстоит в ряде республик положение с гонораром, не превышающим местами 100—120 руб. за печатный лист. Типовые издательские договоры в этом отношении должны быть пересмотрены. Оплата должна быть дифференцирована.

Тов. Зенкевич привел в своем докладе чудовищный пример неуважения к труду переводчиков. Он зачитал пункт типового договора Украинского издательства Л. И. М., который оговаривает право не печатать фамилии переводчика. Дальше, как говорится, ехать некуда.

Не создано до сих пор в переводческой среде атмосферы товарищеского сотрудничества редактора, переводчика и автора. Сильно и рядом редакторы переводного произведения не знают языка оригинала и своими поправками и купюрами сводят на нет всю работу добросовестного переводчика, старшего себя передать колорит оригинала.

Все эти вопросы с предельной остротой поставлены на совещании. Деловая и активная атмосфера совещания, внимание, с которым делегаты выслушали интересный доклад проф. Смирнова о принципах художественного перевода, активные прения — все это свидетельствует о том, что совещание сыграет значительную роль в развитии переводческого дела.

А улучшение межнациональных переводов — важнейшая предпосылка успехов советской литературы на пути дальнейшего роста неземной дружбы народов Советского Союза.

5 января в Колонном зале Дома союзов состоялся бал-карнавал отличнейших учениц старших классов московских школ. Среди разнообразных костюмов и масок карнавала можно было встретить знакомых ребят авторской прозы и поэзии классической литературы — Чацкого, Чичикова, Коробочку, Плюшкина, Мазылу, Марину Мишкис и др. В бал-карнавал участвовали 57 школы Мозольского района в костюмах Евдочки Светиной и Татьяны Лариной.

ПЕРВОЕ ВСЕСОЮЗНОЕ СОВЕЩАНИЕ ПЕРЕВОДЧИКОВ

М. КЛИМКОВИЧ

Председатель Союза советских писателей Белоруссии

Для национальных литератур, в частности для белорусской литературы, всесоюзная конференция переводчиков имеет громадное практическое значение. Кроме тех принципиальных положений в области перевода, которые должны будут выработать конференция, каждый из присутствующих переводчиков вернется в своей работе после конференции, обогащенный опытом других товарищей. Первый всесоюзный съезд советских писателей послужил переломным моментом работы в области переводов. Главным недостатком переводческого дела в Белоруссии заключался в том, что

до съезда переводы занимались случайные люди, в большинстве случаев не писатели, и это приводило к серьезным ошибкам, как мы это видели на примере перевода «Поднятой целины». Но и теперь плохо обстоит дело с переводом массовой, учебной литературы для школ. Здесь имела место явная русификация белорусского языка, с которой Советские писатели при поддержке Центрального Комитета партии Белоруссии пришлось вести борьбу.

За последний год белорусские писатели много сделали для перевода русской и иностранной литературы. Лучшие прозаические и поэтические переводы сделаны у нас писателями Куляшовым, Мянгуличем, Халыба, Александро-Христом, Хведаровичем, Бровкой. Мы выступили в белорусском переводе «Девушка в белом» и «Не переводимая» Эрнста. Почти одновременно с русским языком появились на белорусском языке переводы «Снежная королева» второй части «Снежной королевы» Прюбоя, переводится роман Леонова «Дорога на океан», «Всадники» Яновского, и др.

Хуже всего обстоит у нас дело с переводом на белорусский язык иностранной литературы. Почти ничего не переведено из произведений Харрика, нет на белорусском языке произведений Бергеландера, Маркшта.

В этом году нам предстоит грандиозная, серьезнейшая работа по переводу Пушкина. В связи с предстоящим юбилеем в Минск создан пушкинский комитет, наметивший ряд мероприятий, связанных с столетием со дня смерти великого поэта.

Важнейшая задача наших писателей — перейти на белорусский язык произведения национальных авторов. До сих пор у нас почти не было переводов о украинском языке, положительные результаты дала работа обменных бригад белорусских и украинских писателей.

К предстоящему пленуму ЦСР в Белоруссии выйдет антология русской поэзии в переводах наших поэтов.

В. ГАПРИНДАШВИЛИ

Отв. секретарь Союза советских писателей Грузии

До Октябрьской революции западно-европейских и русских классиков на грузинский язык почти не переводились. Правда, у нас были переводы Шекспира, отдельных вещей Толстого, Достоевского, Чехова, но переводы носили случайный характер. Не было систематического отбора, не было того углубленного отношения к вопросам перевода и к самим переводчикам, какое мы наблюдаем в настоящее время.

После Октябрьской революции интерес к западно-европейской и русской классической литературе в Грузии значительно возрос. За короткое время грузинские писатели перевели французских, английских, немецких и русских писателей.

Особенно нужно отметить растущее из года в год внимание грузинских переводчиков к творчеству Пушкина. Над переводами произведений великого русского поэта работали и работают по сей день известные поэты и писатели Грузии. Над переводом Пушкина работали поэты, писатели, поэмы и смелые трагедии, поэт Г. Цхадуа — «Евгений Онегин», недавно скончавшийся В. Рухадзе перевод «Цыган», «Бахчисарайский фонтан», «Братья разбойники», В. Гаприндашвили — «Медный всадник» и «Песнь о вещем Олеге». Также интенсивно переводится пушкинская проза. Уже вышла «Капитанская дочка» в переводе Ш. Далиани.

Только при советской власти наш читатель получил возможность познакомиться на грузинском языке с произведениями западно-европейских классиков — Бальзака, Стендаля, Мериэ, Мопссана, Свифта, Данте и др. Больше заслуг в деле перевода французских писателей принадлежит Г. Кикодзе. Он перевел «Черное и красное» Стендаля и «Шагреневую кожу» Бальзака.

Много работают у нас над переводом произведений современных русских писателей и поэтов — Маяковский, Шолохов, Бельмонтский, Светлов, Назлыко, Фурманова и других.

3 января в Доме правления ЦСР СССР открылась всесоюзная конференция переводчиков. После небольшого вступительного слова т. Марченко конференция заслушала доклад т. И. Альтмана «Культурная революция и задачи художественного перевода».

4 января на утреннем заседании выступили докладчики: «Переводчик и издательство» П. Зенкевич, «Задачи и средства художественного перевода» — А. Смирнов. Со докладом о грузинской переводной литературе сделал Г. Кикодзе. На вечернем заседании 4 января М. Лозинский сделал доклад — «Искусство стихотворного перевода». После доклада Е. Бертельса «Иранские и тюркские переводы» открылись прения, в которых приняли участие Хачатурян (Армения), Газиев (Татария), Б. Пастернак. Сегодня продолжение прений.

КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ЗАДАЧИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

ДОКЛАД тов. И. АЛЬТМАНА

На новом этапе культурной революции значительно усложнились задачи, стоящие перед переводчиками художественной литературы, и нам приходится вполне нормально тот повышенный интерес, с которым отнеслась наша литературная общественность к открывшемуся 3 января первому всесоюзному совещанию по художественному переводу.

Удачным началом совещания явилась содержательная, построенная на обширном фактическом материале, доклад т. Иог. Альтмана. Это, собственно говоря, первый случай в практике наших литературных совещаний, когда русский критик дает обстоятельный анализ переводной художественной литературы на языке братских народов.

Отмечаю тот факт, что количество переводимых на язык братских народов произведений классической и современной литературы беспрерывно возрастает. т. Альтман вместе с тем констатирует недостаточное высокое качество этих переводов. Очень часто язык произведения оказывается обесцвеченным, интеллигентным, образы снижены, идея произведения затеряна, искажена, благодаря своему то или другому переводчику, или же незнающему языку, с которого он переводит.

Тов. Альтман подкрепляет это утверждение многочисленными приме-

рами на переводов на тюркский, чувашский, таджикский, узбекский, татарский языки произведений Маяковского, Шолохова, Серфиновича, Пушкина, Толстого и др.

Недостаточно высока еще и культура перевода литературы братских народов на русский язык. Здесь мы нередко имеем дело с «ампирными» вольными обработками, стилизацией, формалистическими экспериментами, натуралистическим приращением и т. д. Но есть в ряд больших и серьезных удач: это переводы Пастернака, Тихонова, Антокольского, Лозинского, Луговского, Светлова, Рождественского, — поэтов, умеющих давать адекватные оригиналу произведения, своеобразно, что присуще творчеству переводимого художника.

Значительную часть своего доклада т. Альтман посвятил вопросам теории перевода, сделав интересную попытку проанализировать и обобщить взгляды Белинского, Чернышевского, Добролюбова, и других классиков русской критической мысли.

Основной вывод из их высказываний, подчеркивает докладчик, сводится к тому, что переводчик не может рассматриваться, как ремесленник.

ПЕРЕВОДЧИК И ИЗДАТЕЛЬСТВО

ДОКЛАД тов. П. ЗЕНКЕВИЧА

Тов. Зенкевич в своем докладе характеризует положение переводчиков, их взаимоотношения с издательствами и подвергает резкой критике работу секции переводчиков при ЦСР СССР.

Секция должна была развернуть работу во всеобщем масштабе, но до сих пор едва начала работу в Москве и почти совершенно не установила связи с братскими республиками. Только в Ленинграде, Грузии, Татарстане и Таджикистане организованы секции по ириванию центрального бюро переводчиков. Следует подчеркнуть, что ряд республик отнеслись к этой задаче формальными отписками или же полным молчанием.

Тов. Зенкевич ставит вопрос — отпадают ли в настоящее время кадры переводчиков тем высоким требованиям, какие предъявляет им общественность.

Коснувшись вопроса переводческих кадров, т. Зенкевич говорит: имеющиеся кадры переводчиков не удовлетворяют вполне ни качественно, ни количественно. Круг переводчиков замкнут, он не расширяется. Во-первых, нельзя получить соответствующего языкового образования, и, во-вторых, заинтересованные в этом организации не создают стимула и материальных условий для создания новых кадров.

Это — полноценный художник, и судить его следует со всей мерой требовательности, с какой мы должны подходить ко всем явлениям искусства и к людям, работающим в области искусства. Этот критерий, говорит т. Альтман, должен быть основным в борьбе за великую литературу социализма, за популяризацию лучших художественных достижений народов нашей страны.

Но необходимы также и конкретные практические мероприятия, которые облегчили бы эту борьбу за высокое качество переводной литературы. В первую очередь необходимо подумать о пополнении переводческих кадров, о создании методического руководства, об организации регулярных творческих встреч переводчиков для обсуждения наиболее интересных явлений переводной художественной литературы; кроме того, следует позаботиться о создании словарей синонимов и осуществлении идеи Алексея Максимовича Горького об издании на нескольких языках альманаха литературы народов СССР.

Наконец, немаловажным является вопрос о пересмотре гонорарных ставок для переводчиков, так как существующее положение в очень малой степени стимулирует интерес больших писателей к этой работе.

Вот небольшая сводка той переводческой деятельности, которая развернута в настоящее время в советской Армении: в 1936 г. и в начале 1937 г. в переводах армянских поэтов и писателей выйдут 2 тома «Войны и мира» Толстого (переводчик С. Зорин), пушкинская проза (переводчик К. Микаэлян), «Черное и красное» Стендаля (переводчик Т. Завен), «Фауст» Гете (пер. Чапкин).

В переводе Кошкараря и под редакцией Махияна в этом году выйдет «Евгений Онегин» Пушкина.

Лучшие поэты Армении работают в настоящее время над оставленным «Антология русской поэзии» (книга выйдет под редакцией Н. Заряна, В. Норенца и Х. Саркисяна), «Антология тюркской поэзии» (редакция Алаверды) и «Антология украинской поэзии». Накопился также в Минске лист Зарян занят полугодовой к изданию «Антология белорусской поэзии».

Этим списком переводов не исчерпывается. Микаэлян переводит «Малым Бовар» Флобера. Виван работает над переводом «Оттег Горю» Бальзака. В печати находится «Как закалялась сталь» Островского — переводница т. Симак.

Оживляется переводческая деятельность в братских республиках. Значительно увеличивается издательские планы переводной литературы. Лучшие поэты Украины, Грузии, Армении, Азербайджана, Белоруссии и др. республики привлечены к работе над переводом произведений А. С. Пушкина.

Переходя к оценке работы редакторов (главным образом по национальным литературам), докладчик подчеркивает их недостаточную специальную подготовку, недостаточное знание языков, неумение выбирать переводчика для той или иной книги. Такие редакторы только ухудшат и без того, в большинстве случаев, слабую работу переводчиков.

Непонимание и недооценка роли и работы переводчика, облегчающая в походе к нему со стороны редактора и издательства, особенно сильно сказывается на материальном и правовом положении переводчика. Издательства упорно не желают подходить к переводчикам в индивидуальном порядке. Пора с этим бескультурьем покончить.

Издательство не считается даже о советскими законами, защищающими права переводчика, оно всячески стремится материально ущемить переводчика. Издательские группки, видимо, считают все это нормальным.

Год, истекший после всесоюзного съезда советских писателей, отмечен в татарской литературе началом серьезной переводческой работы. Самым большим нашим достижением мы считаем изданный в этом году на татарском языке шеститомный перевод «Илиады» Гомера. Однако сказать, что до революции творчество Горького было представлено у нас одним небольшим его рассказом. После революции был период, когда буржуазные националисты сумели взять в свои руки переводы горьковских произведений и издавали их в совершенно искаженном виде.

Выпущенный в 1936 году шеститомный перевод можно считать удачным. В работе над ним принимали участие писатель Газиев, поэт Бурхан, переводчица Атамасева и др. Недавно писатель Маскуд перевел на татарский язык «Колы Бренчон» Романа Роллана, и товарищи, рассматривавшие этот перевод, нашли его не уступающим русскому. Из произведений советской литературы мы перевели «Поднятую целину» Шолохова, «Энергия» Гладкова, «Как закалялась сталь» Островского, премированные на всесоюзном драматургическом кон-

курсе пьесы: «Шах-Нам», «Чудесный слепой» и «Гибель эскадры». Последние две пьесы идут на сцене татарского театра.

Тем не менее нельзя сказать, что с переводами у нас все благополучно. Несчастна в том, что все произведения, за исключением русских, мы переводим не с оригинала, а с русского перевода. Да и с русскими произведениями не всегда и не все хорошо. Никогда не годится сделанный у нас перевод Маяковского, очень плох перевод «Разгрома» Фадеева и т. д. Часто за перевод у нас берутся люди, плохо знающие и татарский и русский языки. Отсутствие русско-татарского, татарско-русского словарей еще больше затрудняет работу. Наша ближайшая задача — в 1936 г. выпустить такие словари. Мало помогает нам и критика. Только в последнее время при Союзе писателей создана секция переводчиков, которая будет планомерно проводить переводческую работу. Секция запретила издавать в 1936 г. крупнейшие произведения мировой литературы: «Германия в Турине», «Шагреневую кожу» Бальзака «Мертвые души» Гоголя, «Воскресение» Толстого, «Война и мир» Толстого, «Оломотник Шенкель», «Забавные случаи Некрасова, избранные рассказы Чехова, «Вылое я думу» Горькина, «Госпола Голованова» Штедрига и т. д. Из современных писателей будут переведены Шолохов, Новиков-Прибой, Н. Островский, Янка Купала, Лахути, лучшие образцы бакинской, крымской и таджикской литературы. Особое внимание будет уделено новым переводам Маяковского и переводам Пушкина. Уже приступлено к переводам «Дубровского» и «Капитанской дочке», будет издан на татарском языке «Евгений Онегин» Пушкина, «Война и мир» Толстого, «Воскресение» Толстого, «Война и мир» Толстого, «Оломотник Шенкель», «Забавные случаи Некрасова, избранные рассказы Чехова, «Вылое я думу» Горькина, «Госпола Голованова» Штедрига и т. д. Из современных писателей будут переведены Шолохов, Новиков-Прибой, Н. Островский, Янка Купала, Лахути, лучшие образцы бакинской, крымской и таджикской литературы. Особое внимание будет уделено новым переводам Маяковского и переводам Пушкина. Уже приступлено к переводам «Дубровского» и «Капитанской дочке», будет издан на татарском языке «Евгений Онегин» Пушкина, «Война и мир» Толстого, «Воскресение» Толстого, «Война и мир» Толстого, «Оломотник Шенкель», «Забавные случаи Некрасова, избранные рассказы Чехова, «Вылое я думу» Горькина, «Госпола Голованова» Штедрига и т. д. Из современных писателей будут переведены Шолохов, Новиков-Прибой, Н. Островский, Янка Купала, Лахути, лучшие образцы бакинской, крымской и таджикской литературы. Особое внимание будет уделено новым переводам Маяковского и переводам Пушкина. Уже приступлено к переводам «Дубровского» и «Капитанской дочке», будет издан на татарском языке «Евгений Онегин» Пушкина, «Война и мир» Толстого, «Воскресение» Толстого, «Война и мир» Толстого, «Оломотник Шенкель», «Забавные случаи Некрасова, избранные рассказы Чехова, «Вылое я думу» Горькина, «Госпола Голованова» Штедрига и т. д. Из современных писателей будут переведены Шолохов, Новиков-Прибой, Н. Островский, Янка Купала, Лахути, лучшие образцы бакинской, крымской и таджикской литературы. Особое внимание будет уделено новым переводам Маяковского и переводам Пушкина. Уже приступлено к переводам «Дубровского» и «Капитанской дочке», будет издан на татарском языке «Евгений Онегин» Пушкина, «Война и мир» Толстого, «Воскресение» Толстого, «Война и мир» Толстого, «Оломотник Шенкель», «Забавные случаи Некрасова, избранные рассказы Чехова, «Вылое я думу» Горькина, «Госпола Голованова» Штедрига и т. д. Из современных писателей будут переведены Шолохов, Новиков-Прибой, Н. Островский, Янка Купала, Лахути, лучшие образцы бакинской, крымской и таджикской литературы. Особое внимание будет уделено новым переводам Маяковского и переводам Пушкина. Уже приступлено к переводам «Дубровского» и «Капитанской дочке», будет издан на татарском языке «Евгений Онегин» Пушкина, «Война и мир» Толстого, «Воскресение» Толстого, «Война и мир» Толстого, «Оломотник Шенкель», «Забавные случаи Некрасова, избранные рассказы Чехова, «Вылое я думу» Горькина, «Госпола Голованова» Штедрига и т. д. Из современных писателей будут переведены Шолохов, Новиков-Прибой, Н. Островский, Янка Купала, Лахути, лучшие образцы бакинской, крымской и таджикской литературы. Особое внимание будет уделено новым переводам Маяковского и переводам Пушкина. Уже приступлено к переводам «Дубровского» и «Капитанской дочке», будет издан на татарском языке «Евгений Онегин» Пушкина, «Война и мир» Толстого, «Воскресение» Толстого, «Война и мир» Толстого, «Оломотник Шенкель», «Забавные случаи Некрасова, избранные рассказы Чехова, «Вылое я думу» Горькина, «Госпола Голованова» Штедрига и т. д. Из современных писателей будут переведены Шолохов, Новиков-Прибой, Н. Островский, Янка Купала, Лахути, лучшие образцы бакинской, крымской и таджикской литературы. Особое внимание будет уделено новым переводам Маяковского и переводам Пушкина. Уже приступлено к переводам «Дубровского» и «Капитанской дочке», будет издан на татарском языке «Евгений Онегин» Пушкина, «Война и мир» Толстого, «Воскресение» Толстого, «Война и мир» Толстого, «Оломотник Шенкель», «Забавные случаи Некрасова, избранные рассказы Чехова, «Вылое я думу» Горькина, «Госпола Голованова» Штедрига и т. д. Из современных писателей будут переведены Шолохов, Новиков-Прибой, Н. Островский, Янка Купала, Лахути, лучшие образцы бакинской, крымской и таджикской литературы. Особое внимание будет уделено новым переводам Маяковского и переводам Пушкина. Уже приступлено к переводам «Дубровского» и «Капитанской дочке», будет издан на татарском языке «Евгений Онегин» Пушкина, «Война и мир» Толстого, «Воскресение» Толстого, «Война и мир» Толстого, «Оломотник Шенкель», «Забавные случаи Некрасова, избранные рассказы Чехова, «Вылое я думу» Горькина, «Госпола Голованова» Штедрига и т. д. Из современных писателей будут переведены Шолохов, Новиков-Прибой, Н. Островский, Янка Купала, Лахути, лучшие образцы бакинской, крымской и таджикской литературы. Особое внимание будет уделено новым переводам Маяковского и переводам Пушкина. Уже приступлено к переводам «Дубровского» и «Капитанской дочке», будет издан на татарском языке «Евгений Онегин» Пушкина, «Война и мир» Толстого, «Воскресение» Толстого, «Война и мир» Толстого, «Оломотник Шенкель», «Забавные случаи Некрасова, избранные рассказы Чехова, «Вылое я думу» Горькина, «Госпола Голованова» Штедрига и т. д. Из современных писателей будут переведены Шолохов, Новиков-Прибой, Н. Островский, Янка Купала, Лахути, лучшие образцы бакинской, крымской и таджикской литературы. Особое внимание будет уделено новым переводам Маяковского и переводам Пушкина. Уже приступлено к переводам «Дубровского» и «Капитанской дочке», будет издан на татарском языке «Евгений Онегин» Пушкина, «Война и мир» Толстого, «Воскресение» Толстого, «Война и мир» Толстого, «Оломотник Шенкель», «Забавные случаи Некрасова, избранные рассказы Чехова, «Вылое я думу» Горькина, «Госпола Голованова» Штедрига и т. д. Из современных писателей будут переведены Шолохов, Новиков-Прибой, Н. Островский, Янка Купала, Лахути, лучшие образцы бакинской, крымской и таджикской литературы. Особое внимание будет уделено новым переводам Маяковского и переводам Пушкина. Уже приступлено к переводам «Дубровского» и «Капитанской дочке», будет издан на татарском языке «Евгений Онегин» Пушкина, «Война и мир» Толстого, «Воскресение» Толстого, «Война и мир» Толстого, «Оломотник Шенкель», «Забавные случаи Некрасова, избранные рассказы Чехова, «Вылое я думу» Горькина, «Госпола Голованова» Штедрига и т. д. Из современных писателей будут переведены Шолохов, Новиков-Прибой, Н. Островский, Янка Купала, Лахути, лучшие образцы бакинской, крымской и таджикской литературы. Особое внимание будет уделено новым переводам Маяковского и переводам Пушкина. Уже приступлено к переводам «Дубровского» и «Капитанской дочке», будет издан на татарском языке «Евгений Онегин» Пушкина, «Война и мир» Толстого, «Воскресение» Толстого, «Война и мир» Толстого, «Оломотник Шенкель», «Забавные случаи Некрасова, избранные рассказы Чехова, «Вылое я думу» Горькина, «Госпола Голованова» Штедрига и т. д. Из современных писателей будут переведены Шолохов, Новиков-Прибой, Н. Островский, Янка Купала, Лахути, лучшие образцы бакинской, крымской и таджикской литературы. Особое внимание будет уделено новым переводам Маяковского и переводам Пушкина. Уже приступлено к переводам «Дубровского» и «Капитанской дочке», будет издан на татарском языке «Евгений Онегин» Пушкина, «Война и мир» Толстого, «Воскресение» Толстого, «Война и мир» Толстого, «Оломотник Шенкель», «Забавные случаи Некрасова, избранные рассказы Чехова, «Вылое я думу» Горькина, «Госпола Голованова» Штедрига и т. д. Из современных писателей будут переведены Шолохов, Новиков-Прибой, Н. Островский, Янка Купала, Лахути, лучшие образцы бакинской, крымской и таджикской литературы. Особое внимание будет уделено новым переводам Маяковского и переводам Пушкина. Уже приступлено к переводам «Дубровского» и «Капитанской дочке», будет издан на татарском языке «Евгений Онегин» Пушкина, «Война и мир» Толстого, «Воскресение» Толстого, «Война и мир» Толстого, «Оломотник Шенкель», «Забавные случаи Некрасова, избранные рассказы Чехова, «Вылое я думу» Горькина, «Госпола Голованова» Штедрига и т. д. Из современных писателей будут переведены Шолохов, Новиков-Прибой, Н. Островский, Янка Купала, Лахути, лучшие образцы бакинской, крымской и таджикской литературы. Особое внимание будет уделено новым переводам Маяковского и переводам Пушкина. Уже приступлено к переводам «Дубровского» и «Капитанской дочке», будет издан на татарском языке «Евгений Онегин» Пушкина, «Война и мир» Толстого, «Воскресение» Толстого, «Война и мир» Толстого, «Оломотник Шенкель», «Забавные случаи Некрасова, избранные рассказы Чехова, «Вылое я думу» Горькина, «Госпола Голованова» Штедрига и т. д. Из современных писателей будут переведены Шолохов, Новиков-Прибой, Н. Островский, Янка Купала, Лахути, лучшие образцы бакинской, крымской и таджикской литературы. Особое внимание будет уделено новым переводам Маяковского и переводам Пушкина. Уже приступлено к переводам «Дубровского» и «Капитанской дочке», будет издан на татарском языке «Евгений Онегин» Пушкина, «Война и мир» Толстого, «Воскресение» Толстого, «Война и мир» Толстого, «Оломотник Шенкель», «Забавные случаи Некрасова, избранные рассказы Чехова, «Вылое я думу» Горькина, «Госпола Голованова» Штедрига и т. д. Из современных писателей будут переведены Шолохов, Новиков-Прибой, Н. Островский, Янка Купала, Лахути, лучшие образцы бакинской, крымской и таджикской литературы. Особое внимание будет уделено новым переводам Маяковского и переводам Пушкина. Уже приступлено к переводам «Дубровского» и «Капитанской дочке», будет издан на татарском языке «Евгений Онегин» Пушкина, «Война и мир» Толстого, «Воскресение» Толстого, «Война и мир» Толстого, «Оломотник Шенкель», «Забавные случаи Некрасова, избранные рассказы Чехова, «Вылое я думу» Горькина, «Госпола Голованова» Штедрига и т. д. Из современных писателей будут переведены Шолохов, Новиков-Прибой, Н. Островский, Янка Купала, Лахути, лучшие образцы бакинской, крымской и таджикской литературы. Особое внимание будет уделено новым переводам Маяковского и переводам Пушкина. Уже приступлено к переводам «Дубровского» и «Капитанской дочке», будет издан на татарском языке «Евгений Онегин» Пушкина, «Война и мир» Толстого, «Воскресение» Толстого, «Война и мир» Толстого, «Оломотник Шенкель», «Забавные случаи Некрасова, избранные рассказы Чехова, «Вылое я думу» Горькина, «Госпола Голованова» Штедрига и т. д. Из современных писателей будут переведены Шолохов, Новиков-Прибой, Н. Островский, Янка Купала, Лахути, лучшие образцы бакинской, крымской и таджикской литературы. Особое внимание будет уделено новым переводам Маяковского и переводам Пушкина. Уже приступлено к переводам «Дубровского» и «Капитанской дочке», будет издан на татарском языке «Евгений Онегин» Пушкина, «Война и мир» Толстого, «Воскресение» Толстого, «Война и мир» Толстого, «Оломотник Шенкель», «Забавные случаи Некрасова, избранные рассказы Чехова, «Вылое я думу» Горькина, «Госпола Голованова» Штедрига и т. д. Из современных писателей будут переведены Шолохов, Новиков-Прибой, Н. Островский, Янка Купала, Лахути, лучшие образцы бакинской, крымской и таджикской литературы. Особое внимание будет уделено новым переводам Маяковского и переводам Пушкина. Уже приступлено к переводам «Дубровского» и «Капитанской дочке», будет издан на татарском языке «Евгений Онегин» Пушкина, «Война и мир» Толстого, «Воскресение» Толстого, «Война и мир» Толстого, «Оломотник Шенкель», «Забавные случаи Некрасова, избранные рассказы Чехова, «Вылое я думу» Горькина, «Госпола Голованова» Штедрига и т. д. Из современных писателей будут переведены Шолохов, Новиков-Прибой, Н. Островский, Янка Купала, Лахути, лучшие образцы бакинской, крымской и таджикской литературы. Особое внимание будет уделено новым переводам Маяковского и переводам Пушкина. Уже приступлено к переводам «Дубровского» и «Капитанской дочке», будет издан на татарском языке «Евгений Онегин» Пушкина, «Война и мир» Толстого, «Воскресение» Толстого, «Война и мир» Толстого, «Оломотник Шенкель», «Забавные случаи Некрасова, избранные рассказы Чехова, «Вылое я думу» Горькина, «Госпола Голованова» Штедрига и т. д. Из современных писателей будут переведены Шолохов, Новиков-Прибой

ПЕРЕД ПЛЕНУМОМ ПРАВЛЕНИЯ ССП

ОБОСНУДАЕМ ВОПРОСЫ ПОЭЗИИ РАЗГОВОРОМ ПОЭЗИИ БОРЬБА С ОБИХОДОМ

Разговор о поэзии отличается от самой поэзии очень много. Прежде всего тем, что поэзия — это поэзия, а разговор о ней — проза. Предполагается, что она должна быть деловой. Понятнейшая, Короче говоря. Предполагается, что поэт, оторвавшись от приятных ему ритмов и других особенностей ремесла, выскочит по порядку в толково свои взгляды на весьма старинный и распространённый литературный жанр, в котором сам работает по мере сил. И этим будет продолжена поучительная и деловая традиция, скажем, традиции «Поэтического искусства» Буало, хотя этот последний и утратилась изобретая свой прозаический трактат рифмованным александрийским стихом.

Но разговор о поэзии может быть и другим. Прежде всего потому, что это область с очень приблизительно образованными очертаваниями. Где кончается поэзия и начинается проза? Вышедшая весной прозаическая повесть Всеволода Лебедева «Товарищи» порадо почитателей, нежели рифмованная вода, которую льют на года в год многие поэты. Повесть Лебедева — не единственный случай. Можно назвать еще прозаическую пьесу Светланы Фельцон Раева о Писаревском, новеллы Серго Калашникова. Все это поэзия, так же, как стихи Николая Тихонова о Кухте, так же, как поэма Владимира Державина «Первоначальное накопление».

Это значит, что поэзия больше, чем определенный жанр, и меньше, чем сумма всей стихотворной продукции за отчетный срок.

Мне кажется, что поэзия, в особенности наша, сегодняшняя, рождается там, где есть чувство больших расстояний и их полной осознанности с личным делом каждого из нас. Вот огромная страна. Когда-то ее просторы казались дикими и почти безлюдными пустынями. Человек осматривал себя «жителем», «сподвижником». Он либо прочно и тихо оседал в какой-либо точке, помещенной на карте тем или другим кружком, либо, наоборот, срывался со всех тормозов жалкого состояния. Начиная колесить по торным дорогам и почтовым трактам, — столько версты полосатых мелькала ему навстречу, да ветер завел беспорядочный, унылый снежок. И он готов был вломиться:

Зачем я пугаю в грудь не ранен? Зачем не милый и старик, Как этот бедный откупщик? Зачем, как гуавский заседатель, Я лежу в параличе? Зачем не чувствую в плече Хоть ревматизма? — ах, создатель! Я молод, жизнь во мне крепка. Чего мне ждать? тоска, тоска!

Но человек все-таки бежал. Подорожная его тоска стала центральной темой русской литературы XIX века. Для нас, пролежавших те же классические маршруты по дорогам СССР, поучительно и забавно сопоставить себя с Онегиным и другими «скитальцами», оторвавшимися от родной почвы, как горестно формулировал когда-то Достоевский. Для нас конечно же чувств беспритворности и потерянности в пространстве. Здесь можно было бы проклясть его много. Но я ограничусь ближайшим. С каждым годом все больше и больше укореняются в живой быт поэты и поэтессы друг к другу, из одной республике в другую, с севера на юг и обратно. Это отнюдь не циркуляция правдоподобных, точно так же это совершенно не похоже на циркуляцию истолкований за полнистью и с печатью тех, которые командуют. Это циркуляция кровяной энергии. Она является собой живую, живую потребность здоровья. Тут, как и во многом другом, наша культура, играя, пробует напрягать мускулы. Рядом с этим, в естественной связи с этим — та же тоска, чтобы перевести друг друга. Это совсем не заика, и не пошлость, и не результат личных дружб. Важные переводы поэтов — одно из самых важных и серьезных движений в нашей культуре. Мы еще много не знаем. Мы ищущие подбираем до взаимного понимания. Мы часто лишимся при этом лучшей возможности — анализа языка. Нам приходится обходиться не всегда добрым слухом и полустроичными. Но это никого не должно останавливать. Время не ждет. Так или иначе, сделанное сегодня для сближения национальных культур останется.

Но в той же естественной связи надо говорить не только о переводах. Циркуляция нашей крови в стране есть проявление познавательной энергии, которая всегда найдет себе пишу. Это вовсе не сорванные вылазки в поисках тем и материала. Тема едет вместе с нами в любое путешествие. Но ей мало колена А или колена В, ей мало пригородов и пригородных, чтобы уместиться и найти свое выражение. Феодальный отпрыск Гамлет мог бы уместиться в ореховой скорлупе и считать себя владыкой необъятного пространства. Мы не идеалисты и ни в какие владыки не метим и потому хотим возможно скорее и с большей пользой изнашивать свои полмочки здесь, на этой крепкой, отнюдь не воображаемой земле. И вот что еще надо сказать: поэзия могла расти в дилетной непригодности. Она могла быть узкой и узкой и робкой. У нее были комманды на вылет, Сбитая она делала обильной, тонкой, любознательной, не теряя при этом простоту лиризма. Я не боюсь процитировать здесь строфу, прозвучавшую совсем в другой связи и с другими предисловиями:

...Через край перебралась Восторга творческого чаши. И все — уж не мос, а наше, И с миром утвердилась связь.

О чем говорят эти блокнотные слова? О том, что проблема личных странностей и мучений, любовно обделенных в черновых тетрадях, бывает снята в определенный час любви биографии. Что ее спихивает? Время. Возраст. Мы сами.

Большие расстояния существуют не только в пространстве, но и во времени. Рядом с ферро-марганцевым железом в Зестафони в Грузии, с этим драгоценным завоеванием социалистического труда, трепыхалые следы дышащего, презанное и замое, и не слышное гулом отступившего солонного прибой много тысячелетий тому назад. Каменные орудия Звартноца и рачалине в своей сохранности миниатюрных рукописных овалов в Эммануэляне дышат своей воздушной перспективой веков рядом со строительством самого большого в СССР театра в Эривани, об изумительному проекту Таманяна. Но для того, чтобы с полной выразительностью ощутить, что такое история в нашей стране, мне хотелось бы привести читателя на спектакль Колхозного театра Горьковского края, когда исполнили 2-й студии с прибутовками подкавказья Митрофану его дурные реплики во время экзамена. Это было роскошное широкое для них, по-рогу сытых и четырьмя действиями, и имелими существительными, и даже, может быть, историей дворянских пелоресей XVIII века.

Когда я начал с чувства больших расстояний, чувства, которым должна дышать и питаться поэзия, я и подражал отнюдь не совсем разнородных сосуществований, частых в нашей жизни, как это всегда бывает в сильные и органические эпохи. Мы — накануне знаменательных дат, которые смотрят на нас, как большие и направляющие фары. Столетие со дня смерти Пушкина — вот первая дата, о которой уже сегодня нельзя думать без волнения. Семь с половиной веков Густавули. Рядом с этим — самая молодая, самая крошечная для нас дата — двадцать лет Октября. Кроме всемирно-исторического ее смысла, она биографична для каждого, у кого есть память. Чувство больших расстояний в свете этих больших дат становится прямой лирической необходимостью, почти текстом — если не сегодняшних, то завтрашних стихов.

Эта статья является собой выражение поисков и желаний ее автора и продолжает в прозе его стихи.

Разговоры и обоснования по поводу «свастика дум» не имеют настоящего касательства ни к нашему делу, ни к нашей жизни. Я думаю, что они опоздали лет на тридцать. Мы гораздо больше озабочены тем, что властвует над нашими думами, нежели властью над чувствами.

Это в корне отличает нас от... байронистов. хотя бы.

ПАВЕЛ АНТОКОЛЬСКИЙ.

Зачем я пугаю в грудь не ранен? Зачем не милый и старик, Как этот бедный откупщик? Зачем, как гуавский заседатель, Я лежу в параличе? Зачем не чувствую в плече Хоть ревматизма? — ах, создатель! Я молод, жизнь во мне крепка. Чего мне ждать? тоска, тоска!

Но человек все-таки бежал. Подорожная его тоска стала центральной темой русской литературы XIX века. Для нас, пролежавших те же классические маршруты по дорогам СССР, поучительно и забавно сопоставить себя с Онегиным и другими «скитальцами», оторвавшимися от родной почвы, как горестно формулировал когда-то Достоевский. Для нас конечно же чувств беспритворности и потерянности в пространстве. Здесь можно было бы проклясть его много. Но я ограничусь ближайшим. С каждым годом все больше и больше укореняются в живой быт поэты и поэтессы друг к другу, из одной республике в другую, с севера на юг и обратно. Это отнюдь не циркуляция правдоподобных, точно так же это совершенно не похоже на циркуляцию истолкований за полнистью и с печатью тех, которые командуют. Это циркуляция кровяной энергии. Она является собой живую, живую потребность здоровья. Тут, как и во многом другом, наша культура, играя, пробует напрягать мускулы. Рядом с этим, в естественной связи с этим — та же тоска, чтобы перевести друг друга. Это совсем не заика, и не пошлость, и не результат личных дружб. Важные переводы поэтов — одно из самых важных и серьезных движений в нашей культуре. Мы еще много не знаем. Мы ищущие подбираем до взаимного понимания. Мы часто лишимся при этом лучшей возможности — анализа языка. Нам приходится обходиться не всегда добрым слухом и полустроичными. Но это никого не должно останавливать. Время не ждет. Так или иначе, сделанное сегодня для сближения национальных культур останется.

Но в той же естественной связи надо говорить не только о переводах. Циркуляция нашей крови в стране есть проявление познавательной энергии, которая всегда найдет себе пишу. Это вовсе не сорванные вылазки в поисках тем и материала. Тема едет вместе с нами в любое путешествие. Но ей мало колена А или колена В, ей мало пригородов и пригородных, чтобы уместиться и найти свое выражение. Феодальный отпрыск Гамлет мог бы уместиться в ореховой скорлупе и считать себя владыкой необъятного пространства. Мы не идеалисты и ни в какие владыки не метим и потому хотим возможно скорее и с большей пользой изнашивать свои полмочки здесь, на этой крепкой, отнюдь не воображаемой земле. И вот что еще надо сказать: поэзия могла расти в дилетной непригодности. Она могла быть узкой и узкой и робкой. У нее были комманды на вылет, Сбитая она делала обильной, тонкой, любознательной, не теряя при этом простоту лиризма. Я не боюсь процитировать здесь строфу, прозвучавшую совсем в другой связи и с другими предисловиями:

...Через край перебралась Восторга творческого чаши. И все — уж не мос, а наше, И с миром утвердилась связь.

О чем говорят эти блокнотные слова? О том, что проблема личных странностей и мучений, любовно обделенных в черновых тетрадях, бывает снята в определенный час любви биографии. Что ее спихивает? Время. Возраст. Мы сами.

Большие расстояния существуют не только в пространстве, но и во времени. Рядом с ферро-марганцевым железом в Зестафони в Грузии, с этим драгоценным завоеванием социалистического труда, трепыхалые следы дышащего, презанное и замое, и не слышное гулом отступившего солонного прибой много тысячелетий тому назад. Каменные орудия Звартноца и рачалине в своей сохранности миниатюрных рукописных овалов в Эммануэляне дышат своей воздушной перспективой веков рядом со строительством самого большого в СССР театра в Эривани, об изумительному проекту Таманяна. Но для того, чтобы с полной выразительностью ощутить, что такое история в нашей стране, мне хотелось бы привести читателя на спектакль Колхозного театра Горьковского края, когда исполнили 2-й студии с прибутовками подкавказья Митрофану его дурные реплики во время экзамена. Это было роскошное широкое для них, по-рогу сытых и четырьмя действиями, и имелими существительными, и даже, может быть, историей дворянских пелоресей XVIII века.

Когда я начал с чувства больших расстояний, чувства, которым должна дышать и питаться поэзия, я и подражал отнюдь не совсем разнородных сосуществований, частых в нашей жизни, как это всегда бывает в сильные и органические эпохи. Мы — накануне знаменательных дат, которые смотрят на нас, как большие и направляющие фары. Столетие со дня смерти Пушкина — вот первая дата, о которой уже сегодня нельзя думать без волнения. Семь с половиной веков Густавули. Рядом с этим — самая молодая, самая крошечная для нас дата — двадцать лет Октября. Кроме всемирно-исторического ее смысла, она биографична для каждого, у кого есть память. Чувство больших расстояний в свете этих больших дат становится прямой лирической необходимостью, почти текстом — если не сегодняшних, то завтрашних стихов.

Эта статья является собой выражение поисков и желаний ее автора и продолжает в прозе его стихи.

Разговоры и обоснования по поводу «свастика дум» не имеют настоящего касательства ни к нашему делу, ни к нашей жизни. Я думаю, что они опоздали лет на тридцать. Мы гораздо больше озабочены тем, что властвует над нашими думами, нежели властью над чувствами.

Это в корне отличает нас от... байронистов. хотя бы.

ПАВЕЛ АНТОКОЛЬСКИЙ.

Портрет В. Малковского, воспроизводимый Изогизмом на выпускной им открытке.

О СУДЬБЕ ПОЭТА

Нападки на нашу критику за последние время приобретают все более общий характер. Нам кажется, что конкретные обвинения и разъяснения в каждом отдельном случае помогая бы внести ясность как в оценку отдельных поэтов, так и в общие вопросы поэзии.

Оценка, лежащая только на неудаче той или иной поэты, зачастую игнорирует его от активной деятельности и вырабатывает косное и преступно-неинтересное отношение к его судьбе.

Между тем поэт растет, преодолевает недостатки и приобретает право на новое отношение к себе. Об этом недавно писал Н. Асеев в статье об Уткине, об этом говорится всегда на наших поэтических совещаниях, и диспутах.

Перед нами новая книга стихов Джек Алтауэна. В свое время Алтауэн выступил в известной поэзии «Безуныи энтузиаст», имевшей свои недостатки и свои достоинства. Несмотря на идеологические срывы, этой поэмой он заявил о себе как поэт с неоспоримыми возможностями роста.

К сожалению, за нем последовал ряд неудач. Поэма «Первое поколение» заслуженно получила отнюдь критики и суровую, отрицательную оценку поэтов.

«Первое поколение», переполненное до краев выспренней риторикой и вычурными метафорами, полтерканала неумевает поэта справиться с незнакомым ему материалом.

С этого момента товарищи критики характеризуют работу Алтауэна, с надеждой настойчивостью оповещали о «безвременной и окончательной гибели» поэта, воспитанного комсомолом.

Однако книга «Ода молодости» решительно и категорически говорит о новой жизни поэта, о его росте, о творческом пределе, в его работе, искренне радуем каждого любящего советскую поэзию.

Небольшая поэма «Жизнь два томарна», написанная в шестом номере журнала «Октябрь» и вошедшая в книгу, вызвала ряд положительных откликов со стороны многих наших поэтов. Умелое использование революционного фольклора, чувство меры во всем, ясность и свежесть в образе людей заставляли признать эту талантливую поэму большой удачей Алтауэна.

Но тем не менее она прошла незамеченной критикой.

Ряд отдельных стихов в книге — «Романтика», «Детство», «Стихи в Ветуге», «Разгневанный красавица» и другие — органически смыкаются с его лучшими первыми стихами, «Валлода в четырех братьях», «Путешествие в Австралию», и дают возможность уже увидеть особенности работы Алтауэна.

Эти факты говорят о том несоразмерном положении, в котором приходится работать растущему поэту, преодолевая в одиночку ошибки и неудачи на пути к победам и успехам.

Книга «Ода молодости» напоминает, что Алтауэн — живой, активный поэт, заслуживший внимание критики и товарищеской оценки.

Самое обидное, что Алтауэн как поэт-коммунист вместе с нами и в наших рядах обязан бороться за новое высокое качество советской поэзии и тип советского поэта.

Н. АСЕЕВ, М. ГОЛОДНЫЙ, М. СВЕТЛОВ.

Обиходом и называем некий стандарт эстетического вкуса, круг привычного чтения читателя. Обиходом — это многого, и было бы невыносимым рассуждать, что читатель, у которого на полке имеется обиходная литература, невежествен и консервативен. Нет, читатель этой поэзии любит и «новенькие», и в меру прогрессивен, живя в сладком сознании того, что и он участвует в создании литературной культуры. Часто этот читатель становится критиком и даже работником редакции, поощряя раз витие привычной ему литературной поэзии. Из каких же элементов складывается эта эстетика? Что привлекает и не привлекает?

В старое время такая поэзия развивалась в резко очерченной читательской среде. Так, например, Бенедиктов читал чиновник, воображаемые коротышки и другие поэты про «казачские косы» и «любовь-защелку». Самоуверенность и риторическая холодность характеризуют эту поэзию прошлого.

У нас немалыми ни Бенедиктов, ни Ратгауз, ни Северянин, ничто, являющееся апогеем мещанства, дилетантской экзотики и самовлюбленности. Но у нас есть еще читатели, живущие переживаниями всего этого, и есть поэты, в творчестве которых обиходная эстетика себя заявляет.

Во-первых, это напыщенные, риторические стихи. Сам по себе этот прием не так уж страшен. Прекрасные стихи Державина были в известной мере риторичны. Но риторика некоторых наших поэтов, это риторика ложного величия и убогого пафоса. Здесь вы встретите больше говорить обиходом, по-человечески. Любовь и неологизмам и рифмам, из которых можно составить прескощудный опись неологизмов.

Поэты берутся за изучение фольклора и мифологии. Но одно дело изучение, а другое дело — декультурение, и неискреннее обращение с прекрасными явлениями прошлого. В этом году в Доме писателя, на отчетном вечере литературного клуба, один молодой студент читал стихи о Мелане и Елене Троицкой. Нищю Боевое поле и возмущительная не сдалась! Легенда была перевернута и вымыслена с каких-то глумливых нигилистических позиций самоуверенным молодым человеком. И такое, с позволения сказать, «творчество» демонстрируется на отчетном вечере литературы.

Другим признаком худой поэзии является ее схематичность. Когда читаешь рифмованные рассказы о жизни нашей страны, то часто становишься обидно за этих людей — так сухо и выхолощено, так скучно-восторженно описывают их поэты. И не вернись этим описаниям, не вернись тому, что их авторы знали, любили и видели изображаемых ими героев. Механически пишущий эти стихи.

Я пишу об этом не в порядке общих разговоров об отставании поэзии. Но поэзия не может возвыситься над обиходом, а часто дело обстоит так, что вульгар и требования релятивизма этой поэзии, мешают ему быть между редактором и поэтом не может быть настоящей работы, и та тайна, которая веет над редакторским кабинетом, должна исчезнуть. Пусть в этом кабинете несутся приличные вкусы и навыки людей, которым становится не по себе, когда они остаются наедине с экземпляром стихотворного текста.

Что противопоставить обиходу в нашей поэзии? Что является настоящей поэзией в противовес стихам на случай и людям, случайно эти стихи пишущим и печатающим? Конечно, в первую очередь образцы нашей поэзии — произведения Маяковского, Тихонова, Светланы и др. В огромной и значительной продукции этих поэтов есть нечто, что можно определить как некое, более мощное течение в советской поэзии, о котором следует подробно говорить на пленуме союза писателей.

Это течение обладает теми существенными признаками, которые позволяют установить возросшее между подлинной, ведущей и высокопринципиальной поэзией и поэзией обихода. В этом течении обнаруживаются отчетливо принципы массовости, народности поэзии. Я имею в виду лучшие поэмы Маяковского, поэму Тихонова «Сам», «Судья Горба М. Голодного, «Гренада» Светланы и «Мать» Н. Демченко.

В самом деле, разве такие стихи, как «Мать», не являются прекрасным примером самоопределения молодого поэта, прошедшего через те перемены, и те влияния, какими щедро наделяют своих собратьев мастера обиходной поэзии. Несравнимый риния, эстетические, полные тяжелого книжного груза стихи Демченко о его жене, искренней и глубоко эмоциональной поэмой. «Мать» является свидетельством роста не только самого Демченко, но и всей группы людей, для которых советская поэзия есть жизненная заплата.

Это узкая отсталая поэзия и узкая отсталая поэзия. Это течение приобретает сейчас уже совершенно четкие идеальные и формальные признаки, используя в своем творчестве и классическое наследие (Некрасов) и революционный фольклор, и песни гражданской войны. Это новая советская поэзия, поэзия мысли, чувства и активного действия, художественно яркая и повитая широким читателем. Ее мастерство, мастерство людей нашего времени, и, конечно, оно на много выше творчества многих «мстачных» поэтов, пребывающих в обиходе.

Думаю, что этим новым качеством слипком в нашей поэзии удаются избежать влияния разговоров об отставании. Эта поэзия убедительна тем, что она не занимается книжным опережением событий, не философствует по поводу них, а старается проникнуть в их кровь и плоть, старается познать их язвучи, пережить их в них. Здесь «я» поэта не заслоняет действительного мира, а соединяется с ним, создает образы художественно значительные. Здесь вырастает искусство сопереживания вместе со своими героями, искусство постижения своего «я» задачами эпохи. Большой интерес представляет роль этого «я» в произведениях Владимира Маяковского. Как известно, поэт пошел этой формой обихода, но не заслоняет действительного мира, а соединяется с ним, создает образы художественно значительные. Здесь вырастает искусство сопереживания вместе со своими героями, искусство постижения своего «я» задачами эпохи. Большой интерес представляет роль этого «я» в произведениях Владимира Маяковского. Как известно, поэт пошел этой формой обихода, но не заслоняет действительного мира, а соединяется с ним, создает образы художественно значительные. Здесь вырастает искусство сопереживания вместе со своими героями, искусство постижения своего «я» задачами эпохи. Большой интерес представляет роль этого «я» в произведениях Владимира Маяковского. Как известно, поэт пошел этой формой обихода, но не заслоняет действительного мира, а соединяется с ним, создает образы художественно значительные. Здесь вырастает искусство сопереживания вместе со своими героями, искусство постижения своего «я» задачами эпохи. Большой интерес представляет роль этого «я» в произведениях Владимира Маяковского. Как известно, поэт пошел этой формой обихода, но не заслоняет действительного мира, а соединяется с ним, создает образы художественно значительные. Здесь вырастает искусство сопереживания вместе со своими героями, искусство постижения своего «я» задачами эпохи. Большой интерес представляет роль этого «я» в произведениях Владимира Маяковского. Как известно, поэт пошел этой формой обихода, но не заслоняет действительного мира, а соединяется с ним, создает образы художественно значительные. Здесь вырастает искусство сопереживания вместе со своими героями, искусство постижения своего «я» задачами эпохи. Большой интерес представляет роль этого «я» в произведениях Владимира Маяковского. Как известно, поэт пошел этой формой обихода, но не заслоняет действительного мира, а соединяется с ним, создает образы художественно значительные. Здесь вырастает искусство сопереживания вместе со своими героями, искусство постижения своего «я» задачами эпохи. Большой интерес представляет роль этого «я» в произведениях Владимира Маяковского. Как известно, поэт пошел этой формой обихода, но не заслоняет действительного мира, а соединяется с ним, создает образы художественно значительные. Здесь вырастает искусство сопереживания вместе со своими героями, искусство постижения своего «я» задачами эпохи. Большой интерес представляет роль этого «я» в произведениях Владимира Маяковского. Как известно, поэт пошел этой формой обихода, но не заслоняет действительного мира, а соединяется с ним, создает образы художественно значительные. Здесь вырастает искусство сопереживания вместе со своими героями, искусство постижения своего «я» задачами эпохи. Большой интерес представляет роль этого «я» в произведениях Владимира Маяковского. Как известно, поэт пошел этой формой обихода, но не заслоняет действительного мира, а соединяется с ним, создает образы художественно значительные. Здесь вырастает искусство сопереживания вместе со своими героями, искусство постижения своего «я» задачами эпохи. Большой интерес представляет роль этого «я» в произведениях Владимира Маяковского. Как известно, поэт пошел этой формой обихода, но не заслоняет действительного мира, а соединяется с ним, создает образы художественно значительные. Здесь вырастает искусство сопереживания вместе со своими героями, искусство постижения своего «я» задачами эпохи. Большой интерес представляет роль этого «я» в произведениях Владимира Маяковского. Как известно, поэт пошел этой формой обихода, но не заслоняет действительного мира, а соединяется с ним, создает образы художественно значительные. Здесь вырастает искусство сопереживания вместе со своими героями, искусство постижения своего «я» задачами эпохи. Большой интерес представляет роль этого «я» в произведениях Владимира Маяковского. Как известно, поэт пошел этой формой обихода, но не заслоняет действительного мира, а соединяется с ним, создает образы художественно значительные. Здесь вырастает искусство сопереживания вместе со своими героями, искусство постижения своего «я» задачами эпохи. Большой интерес представляет роль этого «я» в произведениях Владимира Маяковского. Как известно, поэт пошел этой формой обихода, но не заслоняет действительного мира, а соединяется с ним, создает образы художественно значительные. Здесь вырастает искусство сопереживания вместе со своими героями, искусство постижения своего «я» задачами эпохи. Большой интерес представляет роль этого «я» в произведениях Владимира Маяковского. Как известно, поэт пошел этой формой обихода, но не заслоняет действительного мира, а соединяется с ним, создает образы художественно значительные. Здесь вырастает искусство сопереживания вместе со своими героями, искусство постижения своего «я» задачами эпохи. Большой интерес представляет роль этого «я» в произведениях Владимира Маяковского. Как известно, поэт пошел этой формой обихода, но не заслоняет действительного мира, а соединяется с ним, создает образы художественно значительные. Здесь вырастает искусство сопереживания вместе со своими героями, искусство постижения своего «я» задачами эпохи. Большой интерес представляет роль этого «я» в произведениях Владимира Маяковского. Как известно, поэт пошел этой формой обихода, но не заслоняет действительного мира, а соединяется с ним, создает образы художественно значительные. Здесь вырастает искусство сопереживания вместе со своими героями, искусство постижения своего «я» задачами эпохи. Большой интерес представляет роль этого «я» в произведениях Владимира Маяковского. Как известно, поэт пошел этой формой обихода, но не заслоняет действительного мира, а соединяется с ним, создает образы художественно значительные. Здесь вырастает искусство сопереживания вместе со своими героями, искусство постижения своего «я» задачами эпохи. Большой интерес представляет роль этого «я» в произведениях Владимира Маяковского. Как известно, поэт пошел этой формой обихода, но не заслоняет действительного мира, а соединяется с ним, создает образы художественно значительные. Здесь вырастает искусство сопереживания вместе со своими героями, искусство постижения своего «я» задачами эпохи. Большой интерес представляет роль этого «я» в произведениях Владимира Маяковского. Как известно, поэт пошел этой формой обихода, но не заслоняет действительного мира, а соединяется с ним, создает образы художественно значительные. Здесь вырастает искусство сопереживания вместе со своими героями, искусство постижения своего «я» задачами эпохи. Большой интерес представляет роль этого «я» в произведениях Владимира Маяковского. Как известно, поэт пошел этой формой обихода, но не заслоняет действительного мира, а соединяется с ним, создает образы художественно значительные. Здесь вырастает искусство сопереживания вместе со своими героями, искусство постижения своего «я» задачами эпохи. Большой интерес представляет роль этого «я» в произведениях Владимира Маяковского. Как известно, поэт пошел этой формой обихода, но не заслоняет действительного мира, а соединяется с ним, создает образы художественно значительные. Здесь вырастает искусство сопереживания вместе со своими героями, искусство постижения своего «я» задачами эпохи. Большой интерес представляет роль этого «я» в произведениях Владимира Маяковского. Как известно, поэт пошел этой формой обихода, но не заслоняет действительного мира, а соединяется с ним, создает образы художественно значительные. Здесь вырастает искусство сопереживания вместе со своими героями, искусство постижения своего «я» задачами эпохи. Большой интерес представляет роль этого «я» в произведениях Владимира Маяковского. Как известно, поэт пошел этой формой обихода, но не заслоняет действительного мира, а соединяется с ним, создает образы художественно значительные. Здесь вырастает искусство сопереживания вместе со своими героями, искусство постижения своего «я» задачами эпохи. Большой интерес представляет роль этого «я» в произведениях Владимира Маяковского. Как известно, поэт пошел этой формой обихода, но не заслоняет действительного мира, а соединяется с ним, создает образы художественно значительные. Здесь вырастает искусство сопереживания вместе со своими героями, искусство постижения своего «я» задачами эпохи. Большой интерес представляет роль этого «я» в произведениях Владимира Маяковского. Как известно, поэт пошел этой формой обихода, но не заслоняет действительного мира, а соединяется с ним, создает образы художественно значительные. Здесь вырастает искусство сопереживания вместе со своими героями, искусство постижения своего «я» задачами эпохи. Большой интерес представляет роль этого «я» в произведениях Владимира Маяковского. Как известно, поэт пошел этой формой обихода, но не заслоняет действительного мира, а соединяется с ним, создает образы художественно значительные. Здесь вырастает искусство сопереживания вместе со своими героями, искусство постижения своего «я» задачами эпохи. Большой интерес представляет роль этого «я» в произведениях Владимира Маяковского. Как известно, поэт пошел этой формой обихода, но не заслоняет действительного мира, а соединяется с ним, создает образы художественно значительные. Здесь вырастает искусство сопереживания вместе со своими героями, искусство постижения своего «я» задачами эпохи. Большой интерес представляет роль этого «я» в произведениях Владимира Маяковского. Как известно, поэт пошел этой формой обихода, но не заслоняет действительного мира, а соединяется с ним, создает образы художественно значительные. Здесь вырастает искусство сопереживания вместе со своими героями, искусство постижения своего «я» задачами эпохи. Большой интерес представляет роль этого «я» в произведениях Владимира Маяковского. Как известно, поэт пошел этой формой обихода, но не заслоняет действительного мира, а соединяется с ним, создает образы художественно значительные. Здесь вырастает искусство сопереживания вместе со своими героями, искусство постижения своего «я» задачами эпохи. Большой интерес представляет роль этого «я» в произведениях Владимира Маяковского. Как известно, поэт пошел этой формой обихода, но не заслоняет действительного мира, а соединяется с ним, создает образы художественно значительные. Здесь вырастает искусство сопереживания вместе со своими героями, искусство постижения своего «я» задачами эпохи. Большой интерес представляет роль этого «я» в произведениях Владимира Маяковского. Как известно, поэт пошел этой формой обихода, но не заслоняет действительного мира, а соединяется с ним, создает образы художественно значительные. Здесь вырастает искусство сопереживания вместе со своими героями, искусство постижения своего «я» задачами эпохи. Большой интерес представляет роль этого «я» в произведениях Владимира Маяковского. Как известно, поэт пошел этой формой обихода, но не заслоняет действительного мира, а соединяется с ним, создает образы художественно значительные. Здесь вырастает искусство сопереживания вместе со своими героями, искусство постижения своего «я» задачами эпохи. Большой интерес представляет роль этого «я» в произведениях Владимира Маяковского. Как известно, поэт пошел этой формой обихода, но не заслоняет действительного мира, а соединяется с ним, создает образы художественно значительные. Здесь вырастает искусство сопереживания вместе со своими героями, искусство постижения своего «я» задачами эпохи. Большой интерес представляет роль этого «я» в произведениях Владимира Маяковского. Как известно, поэт пошел этой формой обихода, но не заслоняет действительного мира, а соединяется с ним, создает образы художественно значительные. Здесь вырастает искусство сопереживания вместе со своими героями, искусство постижения своего «я» задачами эпохи. Большой интерес представляет роль этого «я» в произведениях Владимира Маяковского. Как известно, поэт пошел этой формой обихода, но не заслоняет действительного мира, а соединяется с ним, создает образы художественно значительные. Здесь вырастает искусство сопереживания вместе со своими героями, искусство постижения своего «я» задачами эпохи. Большой интерес представляет роль этого «я» в произведениях Владимира Маяковского. Как известно, поэт пошел этой формой обихода, но не заслоняет действительного мира, а соединяется с ним, создает образы художественно значительные. Здесь вырастает искусство сопереживания вместе со своими героями, искусство постижения своего «я» задачами эпохи. Большой интерес представляет роль этого «я» в произведениях Владимира Маяковского. Как известно, поэт пошел этой формой обихода, но не заслоняет действительного мира, а соединяется с ним, создает образы художественно значительные. Здесь вырастает искусство сопереживания вместе со своими героями, искусство постижения своего «я» задачами эпохи. Большой интерес представляет роль этого «я» в произведениях Владимира Маяковского. Как известно, поэт пошел этой формой обихода, но не заслоняет действительного мира, а соединяется с ним, создает образы художественно значительные. Здесь вырастает искусство сопереживания вместе со своими героями, искусство постижения своего «я» задачами эпохи. Большой интерес представляет роль этого «я» в произведениях Владимира Маяковского. Как известно, поэт пошел этой формой обихода, но не заслоняет действительного мира, а соединяется с ним, создает образы художественно значительные. Здесь вырастает искусство сопереживания вместе со своими героями, искусство постижения своего «я» задачами эпохи. Большой интерес представляет роль этого «я» в произведениях Владимира Маяковского. Как известно, поэт пошел этой формой обихода, но не заслоняет действительного мира, а соединяется с ним, создает образы художественно значительные. Здесь вырастает искусство сопереживания вместе со своими героями, искусство постижения своего «я» задачами эпохи. Большой интерес представляет роль этого «я» в произведениях Владимира Маяковского. Как известно, поэт пошел этой формой обихода, но не заслоняет действительного мира, а соединяется с ним, создает образы художественно значительные. Здесь вырастает искусство сопереживания вместе со своими героями, искусство постижения своего «я» задачами эпохи. Большой интерес представляет роль этого «я» в произведениях Владимира Маяковского. Как известно, поэт пошел этой формой обихода, но не заслоняет действительного мира, а соединяется с ним, создает образы художественно значительные. Здесь вырастает искусство сопереживания вместе со своими героями, искусство постижения своего «я» задачами эпохи. Большой интерес представляет роль этого «я» в произведениях Владимира Маяковского. Как известно, поэт пошел этой формой обихода, но не заслоняет действительного мира, а соединяется с ним, создает образы художественно значительные. Здесь вырастает искусство сопереживания вместе со своими героями, искусство постижения своего «я» задачами эпохи. Большой интерес представляет роль этого «я» в произведениях Владимира Маяковского. Как известно, поэт пошел этой формой обихода, но не заслоняет действительного мира, а соединяется с ним, создает образы художественно значительные. Здесь вырастает искусство сопереживания вместе со своими героями, искусство постижения своего «я» задачами эпохи. Большой интерес представляет роль этого «я» в произведениях Владимира Маяковского. Как известно, поэт пошел этой формой обихода, но не заслоняет действительного мира, а соединяется с ним, создает образы художественно значительные. Здесь вырастает искусство сопереживания вместе со своими героями, искусство постижения своего «я» задачами эпохи. Большой интерес представляет роль этого «я» в произведениях Владимира Маяковского. Как известно, поэт пошел этой формой обихода, но не заслоняет действительного мира, а соединяется с ним, создает образы художественно значительные. Здесь вырастает искусство сопереживания вместе со своими героями, искусство постижения своего «я» задачами эпохи. Большой интерес представляет роль этого «я» в произведениях Владимира Маяковского. Как известно, поэт пошел этой формой обихода, но не заслоняет действительного мира, а соединяется с ним, создает образы художественно значительные. Здесь вырастает искусство сопереживания вместе со своими героями, искусство постижения своего «я» задачами эпохи. Большой интерес представляет роль этого «я» в произведениях Владимира Маяковского. Как известно, поэт пошел этой формой обихода, но не заслоняет действительного мира, а соединяется с ним, создает образы художественно значительные. Здесь вырастает искусство сопереживания вместе со своими героями, искусство постижения своего «я» задачами эпохи. Большой интерес представляет роль этого «я» в произведениях Владимира Маяковского. Как известно, поэт пошел этой формой обихода, но не заслоняет действительного мира, а соединяется с ним, создает образы художественно значительные. Здесь вырастает искусство сопереживания вместе со своими героями, искусство постижения своего «я» задачами эпохи. Большой интерес представляет роль этого «я» в произведениях Владимира Маяковского. Как известно, поэт пошел этой формой обихода, но не заслоняет действительного мира, а соединяется с ним, создает образы художественно значительные. Здесь вырастает искусство сопереживания вместе со своими героями, искусство постижения своего «я» задачами эпохи. Большой интерес представляет роль этого «я» в произведениях Владимира Маяковского. Как известно, поэт пошел этой формой обихода, но не заслоняет действительного мира, а соединяется с ним, создает образы художественно значительные. Здесь вырастает искусство сопереживания вместе со своими героями, искусство постижения своего «я» задачами эпохи. Большой интерес представляет роль этого «я» в произведениях Владимира Маяковского. Как известно, поэт пошел этой формой обихода, но не заслоняет действительного мира, а соединяется с ним, создает образы художественно значительные. Здесь вырастает искусство сопереживания вместе со своими героями, искусство постижения своего «я» задачами эпохи. Большой интерес представляет роль этого «я» в произведениях Владимира Маяковского. Как известно, поэт пошел этой формой обихода, но не заслоняет действительного мира, а соединяется с ним, создает образы художественно значительные. Здесь вырастает искусство сопереживания вместе со своими героями, искусство постижения своего «я» задачами эпохи. Большой интерес представляет роль этого «я» в произведениях Владимира Маяковского. Как известно, поэт пошел этой формой обихода, но не заслоняет действительного мира, а соединяется с ним, создает образы художественно значительные. Здесь вырастает искусство сопереживания вместе со своими героями, искусство постижения своего «я» задачами эпохи. Большой интерес представляет роль этого «я» в произведениях Владимира Маяковского. Как известно, поэт пошел этой формой обихода, но не заслоняет действительного мира, а соединяется с ним, создает образы художественно значительные. Здесь вырастает искусство сопереживания вместе со своими героями, искусство постижения своего «я» задачами эпохи. Большой интерес представляет роль этого «я» в произведениях Владимира Маяковского. Как известно, поэт пошел этой формой обихода, но не заслоняет действительного

ПОВЕСТЬ «О СЧАСТЬИ» ГАЛИНЫ ГРЕКОВОЙ

Литературоведение становится в наши дни довольно беспокойным занятием. Прогнаны, отделившие друг от друга строго ограниченные массивы — языковедческие виды и голы литературы, покрывающие собой былое пространство, по консервативным, по ролу своих вынужден, литературоведы начинают теряться. Могила припрятана к Барбосом или Серфиомином, когда они нагугают установленные литературные формы, можно припрятать с блестящим монтажом трагических случайностей у Дос-Пассоса или с репортажем Кнша, все они, нарушая границы, а не к прогаммам. Но как быть с «бессознательным» и нестойким потоком полупонятной, полумертвой, как бы с отрывками истории, записанной не историками, с собраниями документов, переизданных в архивных полках в литературные, с дорожными дневниками и журнальными новостями, как бы со всеми видами литературы, что захватывают для себя с каждым годом все большую площадь и все решительнее вытесняют на литературную и читательскую общественность? К нею приходится считаться не только регистрирующему ее литературоведу, но и писателю-творцу.

Сравните «Созревание плодов» В. Пильняка в «Новом мире» с повестью «О счастье» Галины Грековой в «Голосе XVIII». В Пильняке повторяется в «Созревании плодов». Он подперт документацией. Он упорно собирает переизданные повести, статьи, вульгаризмы и переиздания. Он «испытывает» и «говорит», ибо, думается ему, в этом или в секрете современности. Он старается быть отгуганным.

Г Грекова безукоснительна и губовата. Но она вся — полнота, ее повесть от начала до конца — «мясо», живое мясо истории. Ее не удивляет в бытовом, хотя бы она десятилетиями исчисляла бытовым сном. У нее есть своя стая, хотя она вялая думала о стиле. И она не смешает в одну фразу колоритные провинциальными двух удаленных областей, чтобы вложить их в уста выходя на третий, еще более отдаленной области. Ее идея — дела. Ее доклады, ее читаны в тайном прочтении книг — повторы судьбы. И вот безукоснительно Галина Грековой по силе вынуждена по естественной императивности обрешен ближе к высшим образам, в мыслях странном нашей классической прозы, чем иные писания даже и даровитых искусствов, о их арсеналом обдуманных приемов, с их галлюцинирующими «насами» из читателя.

В итоге всех сопоставлений вы видите, что отнюдь не беспокойному и ответственному для писателя выводу: безукоснительность отнесения искусства, искусство пасует перед образами фактов, если за ним стоит сила и страсть творческой общности. Чем ближе слово к натуре, к «мясу», тем оно требовательнее, звучнее, многозначительнее.

Что это? Отказ от искусства, отгужа «факторности»? О нет, дело тут вовсе не в отказе от искусства. После буровой петлюшки не хочется читать «Созревание плодов» — это новое несправедливое впечатление.

Дело не в отрицании искусства, дело в том, что к искусству, к художественному отображению в литературе без кичевых. Они — сегодняшняя жизнь, но не толчок к росту А Грекова — толчок. И старая Корсакина — толчок. И томы истории заводов — тоже, даже если авторы их еще не осилили поставленной им огромной задачи. В этой области поражение писателя равно победе. Рубцы знают, но в завтра он совсем другим приемом повьется за работу: честнее и строже.

Повесть — о счастье. Какое же странное счастье у Галины Грековой? Счастье, что счастье «даст», «сваливается на голову», «судьба посылает». Г Грекова вырвала свое счастье у «судьбы», у старого мира, и не для себя одной.

Г Грековой есть что сказать. Она скрутилась — чтобы втиснуть по больше своего в строку, в страницу, в повесть. Ее отбывает сила и полнота страстности, ей не приходится обсаживать удачно изображенные или подвешенные детали. Но тема счастья не без тонкости всплывает у нее как мимолетное. «Идите отсюда! С землей долот! Поглядите счастья!» — таково первое упоминание о счастье — это говорит умирающий дед Прохор, «огромный высокий старик, с угловатыми костяными плечами, как у старого искушавшего лошади, со множеством рубцов на спине — свидетелей мрачного провозвала» — предостройной проны. Счастье его сына Якова — сумасшедшая мечта сделать машину. «Деревянная неуклая модель все еще стояла на печи, как замесленная аргунка, будто нарочно оставленная им для усиления мук несуществующей мечты». Счастье — это счастье Галины Грековой — счастье олета и буги, по удачам бегает... Счастье — быть прогнанным в работ... Счастье — уметь укрываться от мужа в стугу...

Вот такое счастье прогнывает всю повесть. И только в последней странице, когда добыта в борьбе за Октябрь и личная и общественная свобода, автор полным голосом говорит о завоеванной ею радости: «Вырваться она надугу, алая бы весь мир».

ЕВГ. ЛУНДБЕРГ

СЛОВО В ПРЕНИЯХ

Размах культурной революции поставил перед большинством национальных писателей задачу быстрого обогащения своих литературных традиций русскими и мировыми классиками. Крупнейшие национальные писатели на значительный срок покинули свое время этой важнейшей работе, и успехи их несомненны. Талантливый чехословацкий поэт Кушанский перевел «Евгения Онегина» и «Горе от ума», «Онегин» перевел также на торский язык Самел Вурдум, который обдумывает и готовится, как к трудному восхождению, к переводу «Фауста». Эрберг перевел на таджикский язык «Ревизора».

Трудно переоценить значение подобных фактов. Однако, наряду с огромными и возмущающими успехами в области обогащения русских литературных традиций, можно отметить в последние годы массовую переводческую деятельность по явном неграмотности. Общезвестно, что перевод должен быть портретом оригинала, а не его переделкой. Если это перевод с языка более зрелой литературы на язык менее зрелой литературы, — он должен поднимать уровень последней. Так, в частности, стоит вопрос и с Маяковским.

Маяковский поэта на невиданную до сих пор высоту художественное мастерство вышестоящей поэзии, а политическая поэзия, как правило, существует эпохам наименьшего напряжения духовной и политической жизни народов. Борьба дала прогрессивная Франция, Гейне вошел в историю поэзия как политический поэт 45-го года, и в России, и в Болгарии не могли жить в то время поэты. Имя Некрасова связано с 60-ми годами, Маяковский состоялся от октября.

Именно поэтому мы особенно озабочены на проблеме переводов Маяковского. Он, как никто другой в советской поэзии, гармонично сочетает революционную форму с революционным содержанием, и поэтому переводы его произведений на любой национальный язык являются событием.

Огромное большинство народов Союза прошло, вслед за российским пролетариатом, вековой исторической путь меньше чем в два десятилетия.

Многие из этих народов не имели до революции никакой литературы, кроме устной. Практика строительства социализма разрушила до основания вековую традицию азиатской строй жизни многих народов Советского Союза, и их обиход вопиюще отстал от бытия и слова. Но если запас советских слов и понятий дает возможность довести до сознания подлинника содержание поэзии Маяковского, — не говоря ли это, что это содержание не может быть втиснуто во враждебную для него форму средневековых газелей или сонетов? Если вопрос о форме оригинальной поэзии есть вопрос живого литературного развития и учета литературного отставания у литературы переводов, то в вопросах перевода нам кажется бесспорным требование доведения формы подлинника до читателя.

Вот почему переводы Маяковского на национальные языки — это событие, требующее не только знания поэзии, но и знания поэтики. Мы должны знать язык, с которого он переводит. А именно этой болезнью — незнанием языка — как раз и болел большинство переводчиков с русского на национальные языки. Надо ли говорить, что подобный переводчик не в состоянии ни передать достигший техники Маяковского, ни вынуть вперед стихосложение на родном языке.

Печатали же подобных переводов в последние годы в издательстве «Литературный труд». И совершенно правы татарские поэты, требующие немедленной организации бригады из лучших мастеров татарского стиха для нового перевода Маяковского на татарский язык. Мы добавим к себе, что перевод этот должен редактироваться культурными, а не литературными редакторами, а руководство этим делом — принадлежать непосредственно союзу писателей Татарии.

Однако не лучшие вещи творятся и с переводами с национальных языков на русский. И если по отношению к Маяковскому и другим русским именам мы встречаемся в национальных республиках с сомнительными теориями о невозможности адекватного перевода, то в русской поэзии, наряду с замечательными переводами национальных авторов и творческих в частности (например, Бригады Союза советских писателей в составе Асеева, Адаш, Луговского, Светлова и Державина), мы встречаем с возмущительным наглостью отношение к переводу. Факты этого порядка уже обобщены. Однако борьба с халтурами вопрос не исчерпывается. Гораздо важнее прямо поставив вопрос о борьбе с унизительной и переводческой практикой. Не обязательно переводить погловно все мало-мальски оформившиеся писатели данной литературы.

Пока кончатся с переводческой шумихой, с парализацией и трескотней. Необходимо переводить только те произведения, которые действительно заслуживают перевода. Братские литературы нужно растить в первую очередь на переводах образцов классической литературы народов Союза и мировой. Слова, на обогащение национальных литератур классическим наследием, должен быть перевоспитан центр тяжести переводческой работы. Однако даже у самих молодых литераторов СССР есть ухват, который является действительным злом и на который действительно обращать внимание Горький. Этот ухваток — эпос. Советские переводчики должны постараться во весь рост эту проблему. Гослитиздат обязан в наступившем году приступить к организации специальной серии «Эпоса народов СССР». К этой работе должны быть привлечены научно-исследовательские институты, а в качестве обработчиков — люди, которые заботятся изучать язык, с которого они переводят. Тут действительно непочатый край работы. Побольше учебны и настоящие, поменьше мещанства и пеньности в переводной работе, поменьше параллелизма и раздвоения имен еще живущих авторов — и дело с переводами у нас пойдет в гору.

Н. ДМИТРИЕВ

Многие из этих народов не имели до революции никакой литературы, кроме устной. Практика строительства социализма разрушила до основания вековую традицию азиатской строй жизни многих народов Советского Союза, и их обиход вопиюще отстал от бытия и слова. Но если запас советских слов и понятий дает возможность довести до сознания подлинника содержание поэзии Маяковского, — не говоря ли это, что это содержание не может быть втиснуто во враждебную для него форму средневековых газелей или сонетов? Если вопрос о форме оригинальной поэзии есть вопрос живого литературного развития и учета литературного отставания у литературы переводов, то в вопросах перевода нам кажется бесспорным требование доведения формы подлинника до читателя.

Вот почему переводы Маяковского на национальные языки — это событие, требующее не только знания поэзии, но и знания поэтики. Мы должны знать язык, с которого он переводит. А именно этой болезнью — незнанием языка — как раз и болел большинство переводчиков с русского на национальные языки. Надо ли говорить, что подобный переводчик не в состоянии ни передать достигший техники Маяковского, ни вынуть вперед стихосложение на родном языке.

Печатали же подобных переводов в последние годы в издательстве «Литературный труд». И совершенно правы татарские поэты, требующие немедленной организации бригады из лучших мастеров татарского стиха для нового перевода Маяковского на татарский язык. Мы добавим к себе, что перевод этот должен редактироваться культурными, а не литературными редакторами, а руководство этим делом — принадлежать непосредственно союзу писателей Татарии.

Однако не лучшие вещи творятся и с переводами с национальных языков на русский. И если по отношению к Маяковскому и другим русским именам мы встречаемся в национальных республиках с сомнительными теориями о невозможности адекватного перевода, то в русской поэзии, наряду с замечательными переводами национальных авторов и творческих в частности (например, Бригады Союза советских писателей в составе Асеева, Адаш, Луговского, Светлова и Державина), мы встречаем с возмущительным наглостью отношение к переводу. Факты этого порядка уже обобщены. Однако борьба с халтурами вопрос не исчерпывается. Гораздо важнее прямо поставив вопрос о борьбе с унизительной и переводческой практикой. Не обязательно переводить погловно все мало-мальски оформившиеся писатели данной литературы.

Пока кончатся с переводческой шумихой, с парализацией и трескотней. Необходимо переводить только те произведения, которые действительно заслуживают перевода. Братские литературы нужно растить в первую очередь на переводах образцов классической литературы народов Союза и мировой. Слова, на обогащение национальных литератур классическим наследием, должен быть перевоспитан центр тяжести переводческой работы. Однако даже у самих молодых литераторов СССР есть ухват, который является действительным злом и на который действительно обращать внимание Горький. Этот ухваток — эпос. Советские переводчики должны постараться во весь рост эту проблему. Гослитиздат обязан в наступившем году приступить к организации специальной серии «Эпоса народов СССР». К этой работе должны быть привлечены научно-исследовательские институты, а в качестве обработчиков — люди, которые заботятся изучать язык, с которого они переводят. Тут действительно непочатый край работы. Побольше учебны и настоящие, поменьше мещанства и пеньности в переводной работе, поменьше параллелизма и раздвоения имен еще живущих авторов — и дело с переводами у нас пойдет в гору.

Н. ДМИТРИЕВ

Многие из этих народов не имели до революции никакой литературы, кроме устной. Практика строительства социализма разрушила до основания вековую традицию азиатской строй жизни многих народов Советского Союза, и их обиход вопиюще отстал от бытия и слова. Но если запас советских слов и понятий дает возможность довести до сознания подлинника содержание поэзии Маяковского, — не говоря ли это, что это содержание не может быть втиснуто во враждебную для него форму средневековых газелей или сонетов? Если вопрос о форме оригинальной поэзии есть вопрос живого литературного развития и учета литературного отставания у литературы переводов, то в вопросах перевода нам кажется бесспорным требование доведения формы подлинника до читателя.

Вот почему переводы Маяковского на национальные языки — это событие, требующее не только знания поэзии, но и знания поэтики. Мы должны знать язык, с которого он переводит. А именно этой болезнью — незнанием языка — как раз и болел большинство переводчиков с русского на национальные языки. Надо ли говорить, что подобный переводчик не в состоянии ни передать достигший техники Маяковского, ни вынуть вперед стихосложение на родном языке.

Печатали же подобных переводов в последние годы в издательстве «Литературный труд». И совершенно правы татарские поэты, требующие немедленной организации бригады из лучших мастеров татарского стиха для нового перевода Маяковского на татарский язык. Мы добавим к себе, что перевод этот должен редактироваться культурными, а не литературными редакторами, а руководство этим делом — принадлежать непосредственно союзу писателей Татарии.

Однако не лучшие вещи творятся и с переводами с национальных языков на русский. И если по отношению к Маяковскому и другим русским именам мы встречаемся в национальных республиках с сомнительными теориями о невозможности адекватного перевода, то в русской поэзии, наряду с замечательными переводами национальных авторов и творческих в частности (например, Бригады Союза советских писателей в составе Асеева, Адаш, Луговского, Светлова и Державина), мы встречаем с возмущительным наглостью отношение к переводу. Факты этого порядка уже обобщены. Однако борьба с халтурами вопрос не исчерпывается. Гораздо важнее прямо поставив вопрос о борьбе с унизительной и переводческой практикой. Не обязательно переводить погловно все мало-мальски оформившиеся писатели данной литературы.

Пока кончатся с переводческой шумихой, с парализацией и трескотней. Необходимо переводить только те произведения, которые действительно заслуживают перевода. Братские литературы нужно растить в первую очередь на переводах образцов классической литературы народов Союза и мировой. Слова, на обогащение национальных литератур классическим наследием, должен быть перевоспитан центр тяжести переводческой работы. Однако даже у самих молодых литераторов СССР есть ухват, который является действительным злом и на который действительно обращать внимание Горький. Этот ухваток — эпос. Советские переводчики должны постараться во весь рост эту проблему. Гослитиздат обязан в наступившем году приступить к организации специальной серии «Эпоса народов СССР». К этой работе должны быть привлечены научно-исследовательские институты, а в качестве обработчиков — люди, которые заботятся изучать язык, с которого они переводят. Тут действительно непочатый край работы. Побольше учебны и настоящие, поменьше мещанства и пеньности в переводной работе, поменьше параллелизма и раздвоения имен еще живущих авторов — и дело с переводами у нас пойдет в гору.

Н. ДМИТРИЕВ

«Офелия». Худ. Мотли. 1934 г. (Выставка английского театра в Клубе мастеров искусств)

За рубежом

«КАМЕНЬ СКАТИЛСЯ ВНИЗ»

Барк — повелом Оливию Дарган — писательница, написавшая слово литературную деятельность еще 30 лет назад. В ее первых произведениях — пьесах, стихах и лирических стихотворениях преобладает чувство мистического предания перед природой. Критики один из последних романов-повестей «Call home the heart», Гривилл Хикс отмечал, что гуманистические тенденции первых произведений Оливию Дарган выросли в этом романе в полноценное революционное чувство.

Однако здесь еще много ошибок, писал Г. Хикс, в частности сценка рабочих рисует как случайный эпизод; чувствуется, что автор несправедливо лучше знаком с жизнью горняков, чем с условиями жизни и труда рабочих.

Роман «A stone came rolling», как отмечает критика, стоит на более высокой ступени и свидетельствует о творческом росте Барк. Борьба рабочего класса является в центре центральной части книги, причем автор проявляет ороазло большую осведомленность в этом вопросе. Барк имеет ясное представление о проблемах промышленности рабочих штатов, о трудностях, на которые наталкиваются руководители рабочего движения, и о тактике, применяемой ими для преодоления этих трудностей. В книге фигурирует та же рабочая семья, что и в предыдущем романе, та же семья фабриканта Эмберсона, политика которого была «обманом» капиталистом и к чему не привели. Все образы очень живы. Основное достоинство книги в том, что она согрета чувством непосредственности.

ЛУИ ГИЙУ О СЕБЕ

В журнале «Пульс литер» напечатано интервью с Луи Гийу, автором «Черной крови». Гийу сообщает о следующих биографических данных. Он родился в 1899 г. в маленьком французском городке, в семье рабочего-сапожника. Образование получил сначала в коммунальной школе, потом в лицее. Уже в 12 лет он начал писать роман, оставивший незаконченным. Первую свою большую литературную работу он пережил в возрасте 13 лет. «Я никогда не забуду, чем я обязан «Поновалову» — первой вещи Горького, прочитанной мною», — говорит Гийу. Другим своим учителем, после Горького, Гийу считает Романа Роллана. «Ему я обязан», — говорит он — самыми чистыми и самыми возвышенными минутами своей отрочества.

ЛУИ АРАГОН

ОБ АНРИ ДЕ МОНТЕРЛАНЕ

Вышла новая книга Анри де Монтерлана «Бесполозная служба» («Service inutile») — сборник статей, написанных писателем за последние 10 лет. По словам Арагона, посвятившего книге большую рецензию в журнале «Комюнь», это один из самых изумительных документов трагедии французской интеллигенции в эпоху войны и революции, документ, тающий в себе также и проблески будущего этой интеллигенции. «Уже по «Холостакосу» — последнему своему роману», — говорит Арагон, — стало ясно, что место Монтерлана — рядом с пролетариатом. Подтверждает ли сборник «Бесполозная служба» это заключение? Нет, если приглядеться к его буквам. Да, если взглянуть на внутреннее его содержание. Конечно, Монтерлан все еще знает язык моральных проблем, но важно отметить, кого задевает такая постановка этих проблем. Можно сказать с уверенностью, что в будущем Монтерлан не может быть в рядах французских фашистов, ибо слишком много разделяет его с ними.

ЛУИ ГИЙУ О СЕБЕ

«Одна из статей книги озаглавлена «За глубинную песню». Это «глубинную песню» Монтерлан подслушал в народе, и он знает, говорит Арагон, что это — оговорка над скрытым плачем, крик человека, который жаждет свободы, и тот, кто услышал этот крик, кто принял его в свое сердце, — тему отдал от отныне свою жизнь, как не этому освобождению?».

Игозин выпускает монографию В. Нежевина о Рембрандте. На фото: Рембрандт, «Портрет отца»

АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Когда Андрей Александрович летом 1921 г. прочел на страницах «Литературной газеты» «Славия Беларусь» свое первое впечатляющее стихотворение («К Молодежь»), ему было 15 лет.

Он вошел в литературу с немудрым опытом подростка, сына белого сапожника с рабочей окраины. Рапо потерян отца, испытывая вуду и лишения, будущий поэт прошел «курсовые» курсы житейской учебы в очерках, на бульварах, «в людях», едва одолев грамоту.

На рабочей окраине, среди мастерового люда, молодой Александрович с ранних лет впитал в себя чувство несправедливости и эксплуатации, в гнетущем трущобном массе. Здесь он нашел свои первые образы, ритмы, лексику.

В комсомоле, куда Александрович вошел в 1923 году, на работе в партийной и комсомольской печати смутные ощущения и мысли эпохи-поэта получили свое идейно-политическое завершение.

В атмосфере исключительной жестокости классовой борьбы на культурном фронте БССР, в атмосфере беспрерывных литературно-эстетических боев за белорусскую пролетарскую поэзию молодой Александрович подхватил свое поэтическое боевое кредо. Отсюда — полемический задор большинства произведений поэта.

как поэт динамично советского города, поэт «студок».

«Ритм города» — так называется основной раздел его сборника стихов. В этих ранних стихах поэт воспекает «железные дни», «спрыснутые машинью», восторженно противопоставляет «стальную жалейку» старой народнической жалейки.

Здесь, разумеется, немало еще пассивной пролетарской поэзии. Однако, совершенно своеобразная социальная функция этой лирики в белорусской поэзии. На долю молодых белорусских пролетарских поэтов, в частности Александровича, выпала в те годы честь внести в белорусскую поэзию городскую рабочую тематику.

Яркие реалистические жанровые зарисовки раннего Александровича, зарисовки заводского, комсомольского быта, эпизоды городской жизни — все это вырвалось «прозрачною сонною синью» (Александрович) эсенскиской лирики, которая обрела своих многочисленных эпитетов в националистических кругах белорусской поэзии.

Стихи «Сторожа», «За печаткой», «Славия», «Славия», «Печатка» и т. д. — это своеобразная галерея «стальной трубы», которых поэт познал еще в детстве своим, на рабочей окраине Минска. Приняв, подобная жанровая лирика порой тянула молодого поэта в болото натурализма и сентиментализма, однако, наряду с этим заметен аналитический рост поэта-реалиста. Такие стихи, как «Машинист», «За железом», насыщены лирической теплотой и обаятельной непосредственностью фольклора. Здесь есть места риториче и схематичны пролетарской поэзии. В такой же реалистической лирико-повествовательной манере писаны поэма «Давид» (1926 г.). Скупость выразительных средств строится в поэме, «чуждая формалистического украшения», — вот достоинство этой поэмы.

Уже на этом раннем этапе Андрей Александрович обнаруживает тягу к фольклору. Однако всем своим поэтическим существом Александрович противопоставляет националистическим стилизаторам фольклора. Он, в первую очередь, политический лирик.

Он «газетчик» и «публицист» в том смысле, который вкладывал в это понятие Маяковский. Ряд политических фельетонов и поэм («Тени на солнце», «Поэма о враге», «Поэма имени освобождения») переключается с Маяковским не только публицистической интонацией стиха, но перекладом и ритмом, словообразованием, строем метафор.

Эта тяга Александровича к «высокой лирике», к лирике приподнятой социальной патетики в последние годы господствовала во всем его творчестве.

Свое поэму «Тени на солнце» Александрович начинает так: Как не славить соколиной песней Беларусь — республику свою. Александрович не просто пишет стихи, а проясляет, воспекает, «играет» будущему гимну.

Борьба против «стиха» мещанско-камерной лирики, естественно, могла вызвать у поэта, в качестве реакции, усиленные (сверх положенного) «сады» и «красоты». Скорыми люди и вещи Александровича стали коими гадать под тяжестью дождя, наполненных на них поэтом.

Это более всего ощущалось в творчестве Александровича на этапе его увлечения литфондовскими поэтическими рецензиями.

Последние годы тянутся, однако, годами яркого подъема творческой энергии поэта.

Точно так же под поимм интимно-лирическим углом зрения Александрович начинает свое стихотворение, посвященное акту передачи земли колхозникам.

Здесь нет риторической публицистики, вернее, публицистика пропущена лирикой: Меня забудит телефонный звонок... Заря разливает рябиновый сок, Устойла в дороге седланю коня, Проснулася дорога, тревогой зноя, От солнечной поступи смелого детства.

Александрович все смелее начинает насичать свой стих фольклором. Подобно Купале, Александрович в последние время сознательно тянется к народной песне. Романтикой «народного сказания» овеяно стихотворение «Ночь на развале».

Ночь росой стелила поила, Над рекой встал туман, — таков традиционный фольклорный пейзажный фон, на котором развевается события — наступление Красной армии во главе с Орденом Кавалера, под Борисовом. Серго — близкий, родной, неземный: У зарюшета оврага, Укрывалась в знойный час, Белорусских сладких ягод Он отведаль в первый раз.

А когда красные победили, то Солнце руки протянуло, Босым сынам земли, Болью радостно вздохнуло... Прекрасные образцы этой лирико-фольклорной струи в творчестве Александровича дает его поэма для детей «Счастливый дождь».

Еще ярче поэт обнаруживает свое увлечение в песне. И bastante инстинктивно стиха, и меткий народный образ, и знойный, запоминающийся рефрен — все это поэт ставит на службу советской народной песне.

Смертельное, черное горе росло: В город голодное утро вошло. Голодное утро — значит война, Чтоб кровь простарился выпити колхозникам.

Налет фашистов — как язва, как чад, как хад, Нет хлеба, ни хат, ни тепла для ребят, В реке захлебнулись надежда и труд, И трупы голодных по Рейну плавают.

«Голодное утро». В этом же жанре высокой социальной лирики написано прекрасное стихотворение Александровича «Стена безстрашная». Можно смело сказать, что среди многочисленных стихотворений разных жанров, посвященных смерти Кирова, это одно из лучших. Поэт сумел найти ту суровую интонацию, которая присуща лучшим произведениям социальной лирики:

Декабрьской стужено окована земля, В набеге ветровых, в глухих могилах столах, Прини, безстрашная, прини, стена Кремля, О, грузной скорби марш в шагающих колоннах, О, черной плещ знамен, гланые штыки, Бушует в жилах кровь и ждет раслаты мира, Будь память вечная тебе, товарищ Киров.

Андрей Александрович — один из крупнейших белорусских поэтов. Он работает в различных жанрах, начиная со стихов для дошкольников и кончая крупным драматическим произведением «Шанор». При всех выло-статках эстетического порядка «Шанор» свидетельствует о крупных поэтических возможностях Александровича. Большого эстетического поэтического произведений жмет от поэта белорусская советская литература.

Русский читатель знает Александровича по небольшому сборнику его переводных стихов (ГИХЛ—1922 г.) и по ряду прекрасных переводов (Светлова, Гогольного и др.) в журнале «И Правда».

«ТАЙНАЯ КНИГА» ГАБРИЭЛЯ ДАННУЦИО

Настоящий заголовок книги таков: «Сто и сто и сто и сто страниц тайной книги Габриэля Даннуцио, мечтающего умереть». Кроме оригинального заголовка есть в книге полиграфические новшества: после точки Д'Аннуцио ставит маленькую букву, за исключением тех случаев, когда пишется глава; вместо двух кавычек ставится одна.

Как видно, заглавие Г. Д'Аннуцио не блестящее. Любопытный отзыв о книге дает «Пис», журнал «Литературной культуры» и музыки под редакцией Уго Обитти: «Эта книга, если б она была перемотана, оскрапена, уменьшена, оцифрована, могла бы стать книгой, которая читалась бы с особым удовольствием; быть может, в ней нет ничего нового или передового, но это несомненно плод высокого искусства, того искусства, которое, обложка тайны писателя, ни чего не теряет и сохраняет при всем том нечто ценное».

Что же останется после того, как книга будет перемотана, оскрапена, уменьшена и оцифрована? Останется полиграфия и смерть. Да, смерть. Кажется, что Г. Д'Аннуцио полон в своей книге от всей литературы последнего периода, в особенности литературе молчаливых.

Все произведение Стронта, Моравиа, Бернарда, Палачески, Ленца, Дориа и всего множества «молодых» проныкнуты хроническим пессимизмом, это люди, у которых нет австрашного дня.

Герои их — люди испорченные, расцуненные, порочные, раздолуженные. Ибо черное, как смола, «обкушанное» дождь, «осеннее небо», «сквозь коридор» барбакан в стеклах «фонаря, отражавшиеся в мокром асфальте пустынной улицы», дождь, дождь без конца. Куда девалась неопозитивное солнце и кобальтовый небо?

А ведь это пишет молодежь, наследница фашистской литературы. Г. Д'Аннуцио, с его отвращением к жизни, человек старый и конченый, дает в своей «тайной книге» синтез этого мрачного настроения.

Г. Д'Аннуцио однажды пытался заняться политикой. Немногие знают, помнит образование в парламентской войне. Это было в эпоху декретов — законов военного времени. Он произнес ватную речь, примерно такого содержания:

«С одной стороны я вижу мертвых, которые кричат (указывая на правую сторону), с другой стороны я вижу немощных людей красноречивых и живых. Как человек даровитый, я живу туда, где жизнь». И он сел на скамью социализма.

Много воды утекло с тех пор, и теперь Г'Аннуцио, так же, как тот держанин, идет к смерти. Однако переписка с последней книге Г. Д'Аннуцио, Анджело Кокке в «Борьбе» дала Серра» рассказывает о возмущении книги, длинно описывает, как поэт перед тем, как «спрыснуться смертью», поплакал с полгоры листов и бросил ее к его ногам: «Вот тебе корень моего горя, Уходи. Это была часть его тайной книги».

В данном случаении к книге поэт дает очерк своей жизни, начиная от далекого детства в Абруццих до любовных страданий. Но военных предисловий, до падения в Витториаде. Словом, раз за это время «спрыснулся» Г'Аннуцио смертью! «Смерть, смерть. Я задумал самый смелый свой помысл и не осарнивая никем, решил совершить его вопреки всем разговорам и трусости, прикрывающейся гуманностью: если отращение к женщине подступило мне к самому горлу, то не менее остро было во мне отвращение к женщине, которая тоже женщина». Эта слова ваяны из главы «Образ по-крайней Италии».

Вот другой отрывок из главы «Моя плеточная маска»:

«Мне случается говорить, — когда кто-нибудь замечает не без удивления, что мое лицо стало современно костюмам и как бы вытеснено из желтоватой кости; но думаю, что моя настоящая плеточная маска такова? Посмотрите на мой нос, который вследствие излившей чувственности еще не успел заостриться как следует. Посмотрите на мой горький рот, в котором нет ни отрешения, ни мира, на удивительные выступы моего черепа, на мои глаза, провалившиеся и горящие вечным огнем моего мозга. Но не это все — моя маска. Плеточка застывает на мне лицо двадцати лет после моей смерти, раньше, чем на него наложат гиние для снятия маски... Только тогда у меня будет то лицо, которое мне было суждено, нетронутые юдами утомления, страдания и бесчисленных событий жизни».

Ватикан предал книгу Г'Аннуцио проклятию. Один из наиболее авторитетных органов Ватикана «Л'Аввене-ндре» и «Патрия», пишет:

«Все итальянская печать отозвалась многоголосными статьями на новую книгу Г. Д'Аннуцио. Но ни один орган печати, сколько нам известно, не сказал того, что следовало сказать: это самая распущная книга во всех написанных до сих пор распущных поэтом».

В. В. ВЕРЕСАЕВ

К 50-летию ЛИТЕРАТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

О Вересаеве как художнике — историке русской интеллигенции писатели достаточно, но это лишь часть большой и разногородной творческой деятельности писателя.

В более ранних своих произведениях: «Область дорог», «Поветрие», «На повороте» Вересаев показывает своих героев в процессе мучительных поисков путей и смысла жизни. Герои этих произведений в большей части обречены своей судьбой в борьбе, в преодолении стихийных идеологий.

Вслед за повестью «К жизни», написанной в 1903 году, Вересаев выпускает в свет двухтомную работу «Живая жизнь» (ч. 1 — о Достоевском и Льево Толстом и ч. 2 — Аполоном и Дюнаисе — о Ницше).

В этой работе Вересаев противопоставляет утверждение и расцвете культуры жизни у Льва Толстого — философии pessimизма и культуру страдания у Достоевского и Ницше.

Помимо большой самостоятельной и совершенно бесспорной ценности, работа Вересаева имела по тому времени большое общественное значение как борьба с моральным и литературным распадом, представляющим которого являлся Мережковский, Бердяев, Вячеслав Иванов, Арцыбашев, Соллогуб, Леонид Андреев и др.

Мистический анархизм Леонида Андреева дошел в эти годы уюда до своего апогея. Опоганившая литература и жилая философская жизнь культивировалась Ф. Соллогубом, М. Арцыбашевым и А. Каменским.

Арцыбашев в «Саяне», говорит Вересаев, равенчивал все ценности жизни и единственную радость ее видел в «кратких козених» и «выдающихся белых» красных женщин. Терония романа Лиды изображается как молодая, гибкая «соболянка», за которой сладострастно следят офицеры. Сам же герой романа, Саня, постепенно увлекается сначала сестрой Лидой, затем ее подругой и, наконец, деревенской девушкой.

Идеологом эпохи провозглашается Мережковский, объявляющий неудачу революции ее безразличностью и объявляющий Достоевского «прологом русской революции». Вячеслав Иванов проповедовал «эллинистическую религию страдальческого бога» Дюнаиса и оружием познания считал мистический экстаз.

Никогда еще культ Достоевского не стоял так высоко, как в эту эпоху общественной и литературной распада. «У Ницше», говорит Вересаев, «была не зловоращая часть его учения — страстное богоотрицание, борьба с мистикой, призыв возвратиться земле ее смысл, а его аморализм, презрение к демократии, проповедь «стеснимая сила», трагического преодоления жизни, донихейского покружения во всякого рода «безднях».

Противопоставляя Льва Толстого Достоевскому, Вересаев говорит: «... Жизнь человечества — это не темная яма... это светлая, солнечная дорога, поднимающаяся все выше и выше к источнику жизни, света и целостного общения с миром». Толстой знает, говорит Вересаев, что жизнь, несмотря на все наличие зла в ней, «может быть безмерно прекрасна, люди могут быть захватывающе счастливы... это он знает и чувствует крепко, всем существом своим, жизнью. А вот — жизнь искоренена до самого основания, люди жалки и несчастны... И Толстой на весь мир кричит, что в уродство и грязь превращена священная жизнь, что нельзя людям мяться с таким кощунством. Он (Толстой) видит, как люди устраивают себе внешне-красивую, легкую, беструдовую жизнь и видит, как миллионы других людей принуждаются работать за них и на них, отрывая себя от всех радостей жизни. И люди, ослепленные привычкой,

не замечая этой преступной теплицы, думают, что иначе и не может быть...» («Живая жизнь»).

Радостное, аллюровое восприятие жизни неотделимо у Толстого от его беспомощной критики основ буржуазно-капиталистического мира. Вересаев правильно поступил, вывелив эту сторону мироощущения Толстого и отвергая все его непродуктивную философию.

Как ни устранив жизнь, говорит Достоевский, ничего не изменишь, ибо основное зло лежит не во внешней жизни, а в самом человеке.

«Зло для Толстого, говорит Вересаев, конечно, не таково. Оно для него — не гнилая проказа... и не черная та же туча, на долгие века закрывшая свет жизни от страдальца. На прекрасной земле — прекрасное, создающее для счастья человечество. Вокруг него — непреодолимая стена и трепет радостной жизни. Жизнь эта со всех сторон окружает человека... хлещет в душу бурными потоками кипучей радости и счастья. А человек в безумном каком-то помрачении отворачивает глаза от света, строит вокруг себя какие-то стены и перестенки, опутывает себя веревками. Соросит веревки, разметает преступные разваливающие стены, — и жизнь широко распахнется перед человеком в вечной, неисчерпаемой радости своего бытия».

Заслуга Вересаева заключается в том, что он не только восстал против гниль и распада в эпоху злейшей реакции, но и совершенно

вернул человека к жизни, к радости, к счастью. А человек в безумном каком-то помрачении отворачивает глаза от света, строит вокруг себя какие-то стены и перестенки, опутывает себя веревками. Соросит веревки, разметает преступные разваливающие стены, — и жизнь широко распахнется перед человеком в вечной, неисчерпаемой радости своего бытия».

Заслуга Вересаева заключается в том, что он не только восстал против гниль и распада в эпоху злейшей реакции, но и совершенно

вернул человека к жизни, к радости, к счастью. А человек в безумном каком-то помрачении отворачивает глаза от света, строит вокруг себя какие-то стены и перестенки, опутывает себя веревками. Соросит веревки, разметает преступные разваливающие стены, — и жизнь широко распахнется перед человеком в вечной, неисчерпаемой радости своего бытия».

вернул человека к жизни, к радости, к счастью. А человек в безумном каком-то помрачении отворачивает глаза от света, строит вокруг себя какие-то стены и перестенки, опутывает себя веревками. Соросит веревки, разметает преступные разваливающие стены, — и жизнь широко распахнется перед человеком в вечной, неисчерпаемой радости своего бытия».

вернул человека к жизни, к радости, к счастью. А человек в безумном каком-то помрачении отворачивает глаза от света, строит вокруг себя какие-то стены и перестенки, опутывает себя веревками. Соросит веревки, разметает преступные разваливающие стены, — и жизнь широко распахнется перед человеком в вечной, неисчерпаемой радости своего бытия».

вернул человека к жизни, к радости, к счастью. А человек в безумном каком-то помрачении отворачивает глаза от света, строит вокруг себя какие-то стены и перестенки, опутывает себя веревками. Соросит веревки, разметает преступные разваливающие стены, — и жизнь широко распахнется перед человеком в вечной, неисчерпаемой радости своего бытия».

вернул человека к жизни, к радости, к счастью. А человек в безумном каком-то помрачении отворачивает глаза от света, строит вокруг себя какие-то стены и перестенки, опутывает себя веревками. Соросит веревки, разметает преступные разваливающие стены, — и жизнь широко распахнется перед человеком в вечной, неисчерпаемой радости своего бытия».

вернул человека к жизни, к радости, к счастью. А человек в безумном каком-то помрачении отворачивает глаза от света, строит вокруг себя какие-то стены и перестенки, опутывает себя веревками. Соросит веревки, разметает преступные разваливающие стены, — и жизнь широко распахнется перед человеком в вечной, неисчерпаемой радости своего бытия».

вернул человека к жизни, к радости, к счастью. А человек в безумном каком-то помрачении отворачивает глаза от света, строит вокруг себя какие-то стены и перестенки, опутывает себя веревками. Соросит веревки, разметает преступные разваливающие стены, — и жизнь широко распахнется перед человеком в вечной, неисчерпаемой радости своего бытия».

вернул человека к жизни, к радости, к счастью. А человек в безумном каком-то помрачении отворачивает глаза от света, строит вокруг себя какие-то стены и перестенки, опутывает себя веревками. Соросит веревки, разметает преступные разваливающие стены, — и жизнь широко распахнется перед человеком в вечной, неисчерпаемой радости своего бытия».

вернул человека к жизни, к радости, к счастью. А человек в безумном каком-то помрачении отворачивает глаза от света, строит вокруг себя какие-то стены и перестенки, опутывает себя веревками. Соросит веревки, разметает преступные разваливающие стены, — и жизнь широко распахнется перед человеком в вечной, неисчерпаемой радости своего бытия».

вернул человека к жизни, к радости, к счастью. А человек в безумном каком-то помрачении отворачивает глаза от света, строит вокруг себя какие-то стены и перестенки, опутывает себя веревками. Соросит веревки, разметает преступные разваливающие стены, — и жизнь широко распахнется перед человеком в вечной, неисчерпаемой радости своего бытия».

вернул человека к жизни, к радости, к счастью. А человек в безумном каком-то помрачении отворачивает глаза от света, строит вокруг себя какие-то стены и перестенки, опутывает себя веревками. Соросит веревки, разметает преступные разваливающие стены, — и жизнь широко распахнется перед человеком в вечной, неисчерпаемой радости своего бытия».

вернул человека к жизни, к радости, к счастью. А человек в безумном каком-то помрачении отворачивает глаза от света, строит вокруг себя какие-то стены и перестенки, опутывает себя веревками. Соросит веревки, разметает преступные разваливающие стены, — и жизнь широко распахнется перед человеком в вечной, неисчерпаемой радости своего бытия».

вернул человека к жизни, к радости, к счастью. А человек в безумном каком-то помрачении отворачивает глаза от света, строит вокруг себя какие-то стены и перестенки, опутывает себя веревками. Соросит веревки, разметает преступные разваливающие стены, — и жизнь широко распахнется перед человеком в вечной, неисчерпаемой радости своего бытия».

вернул человека к жизни, к радости, к счастью. А человек в безумном каком-то помрачении отворачивает глаза от света, строит вокруг себя какие-то стены и перестенки, опутывает себя веревками. Соросит веревки, разметает преступные разваливающие стены, — и жизнь широко распахнется перед человеком в вечной, неисчерпаемой радости своего бытия».

вернул человека к жизни, к радости, к счастью. А человек в безумном каком-то помрачении отворачивает глаза от света, строит вокруг себя какие-то стены и перестенки, опутывает себя веревками. Соросит веревки, разметает преступные разваливающие стены, — и жизнь широко распахнется перед человеком в вечной, неисчерпаемой радости своего бытия».

вернул человека к жизни, к радости, к счастью. А человек в безумном каком-то помрачении отворачивает глаза от света, строит вокруг себя какие-то стены и перестенки, опутывает себя веревками. Соросит веревки, разметает преступные разваливающие стены, — и жизнь широко распахнется перед человеком в вечной, неисчерпаемой радости своего бытия».

вернул человека к жизни, к радости, к счастью. А человек в безумном каком-то помрачении отворачивает глаза от света, строит вокруг себя какие-то стены и перестенки, опутывает себя веревками. Соросит веревки, разметает преступные разваливающие стены, — и жизнь широко распахнется перед человеком в вечной, неисчерпаемой радости своего бытия».

вернул человека к жизни, к радости, к счастью. А человек в безумном каком-то помрачении отворачивает глаза от света, строит вокруг себя какие-то стены и перестенки, опутывает себя веревками. Соросит веревки, разметает преступные разваливающие стены, — и жизнь широко распахнется перед человеком в вечной, неисчерпаемой радости своего бытия».

вернул человека к жизни, к радости, к счастью. А человек в безумном каком-то помрачении отворачивает глаза от света, строит вокруг себя какие-то стены и перестенки, опутывает себя веревками. Соросит веревки, разметает преступные разваливающие стены, — и жизнь широко распахнется перед человеком в вечной, неисчерпаемой радости своего бытия».

вернул человека к жизни, к радости, к счастью. А человек в безумном каком-то помрачении отворачивает глаза от света, строит вокруг себя какие-то стены и перестенки, опутывает себя веревками. Соросит веревки, разметает преступные разваливающие стены, — и жизнь широко распахнется перед человеком в вечной, неисчерпаемой радости своего бытия».

вернул человека к жизни, к радости, к счастью. А человек в безумном каком-то помрачении отворачивает глаза от света, строит вокруг себя какие-то стены и перестенки, опутывает себя веревками. Соросит веревки, разметает преступные разваливающие стены, — и жизнь широко распахнется перед человеком в вечной, неисчерпаемой радости своего бытия».

вернул человека к жизни, к радости, к счастью. А человек в безумном каком-то помрачении отворачивает глаза от света, строит вокруг себя какие-то стены и перестенки, опутывает себя веревками. Соросит веревки, разметает преступные разваливающие стены, — и жизнь широко распахнется перед человеком в вечной, неисчерпаемой радости своего бытия».

вернул человека к жизни, к радости, к счастью. А человек в безумном каком-то помрачении отворачивает глаза от света, строит вокруг себя какие-то стены и перестенки, опутывает себя веревками. Соросит веревки, разметает преступные разваливающие стены, — и жизнь широко распахнется перед человеком в вечной, неисчерпаемой радости своего бытия».

новой трагикой показал отношение к жизни Льва Толстого и Достоевского. Выступая против теоретиков упадка и опоганивания жизни в литературе, Вересаев всемерно использовал против них их же оружие — Ницше, Достоевского, Берсона и других.

На юбилейном чествовании Вересаева в союзе писателей присутствовали люди трех поколений. Там были современники Вересаева и люди, сложившиеся в период первой революции 1905 года и, наконец, советская молодежь. Но в теплых словах и приветствиях слышался один и тот же мотив: радостное приятие жизни и борьба за завершение того прекрасного задания, стрелами которого все мы являемся.

Тов. Степанова, старая тульская подпольная работница, знавшая Вересаева по совместной работе в сельскохозяйственных кружках девятисотых годов, тепло приветствуя его, сказала: «Тулские подпольщики в моем лице приветствуют вас, дорогой Викентий Викентьевич, особенно сердечно, как старого товарища. И как бы дополнила это приветствие, встречена была аллодисементами телеграммы писателя Н. Островского: «Хочу, чтобы в эти волнующие вас минуты... вы опугнали крепкое познание моей руки».

Может ли быть лучшей награда для писателя, чем это признание честно пройденного пути и совсем не бюбюенное пожелание бодрости, силы и творчества!

Взгляд его остался чист и ясен, как у ментальной мальчуга. Он не замечая окружающего жил на облачных и веселых берегах.

В последние годы перед смертью в словах и рассказах Грина появились первые намеки на приближение его к нашей действительности.

Романтика Грина была мужественная, веселая и блестящая. Он возмущался в глазах неестественно раздвоенной жизни, полней риска и чуждым высоким жизни, свойственной исследователям, мореплавателям и путешественникам.

Он вымывал упорное желание увидеть и узнать весь земной шар. Это желание было благородным и волнующим. Этим он оправдал все, что написал.

Нынче его был прекрасен. Беру отрывки наугад, открываю страницу за страницей.

«Где-то высоко над головой, перелетая с фальшета на алы, задела одинокая туча, стихая, описала дугу и безвременно легла на песок реки с погрязшим муравьем, тапшиком какую-то очень нужную для него паучку».

«Он слушал игру горнистов. Это была странная поэзия солдатского дня, злегая оставленных деревьев, меланхолия хорошо вычищенных штыков».

«Зима умерла. Весна столкнула ее голой, розовой и дерзкой ногой в сырые овраги, где, лежа ничком в виде мертвенно-белых, оттаявших пластов снега, старуха дышала еще в последней агонии холодного паром, но слабо и безнадёжно».

Грин хорошо выдумывал старые матросские застольные песни:

Не шуми, океан, не пугай.
Нас земля напугала давно.
В южный край,
В светлый рай
Привыкнем все равно!

Он выдумывал и другие песенки, шуточные.

Из книги «Черное море».

СКАЗОЧНИК

Константин ПАУСТОВСКИЙ

Мы приехали в Старый Крым по заросшей пыльной дороге. Она терлась в ушах среди сухого кустарника и буйкового леса.

Лес уже опал. Колен были засыпаны рыжими листьями. Кое-где еще догнивали желтые одуванчики, но вся трава уже высохла.

Маленький белый город лепился на пологих отрогах Крымских гор. Вокруг него протянулись черные ветки над узкими улочками. У подножья деревьев сидели седые старики. Они торговали овощами и дешёвыми фродосийскими папиросами.

Листья орехов лежали на пыльной земле большими темными пятнами. Редкие прохожие давили их чуйками. Тогда острый запах возникал в тени вышущих деревьев и долго не исчезал.

Гора Агарым бросала синий отсвет на заброшенный город.

В Старом Крыму пролегли последние дни своей жизни и умер писатель Грин — Александр Степанович Гриневский. Жизнь Грина была бесконечно печальной и горестной жизнью бродяги и отшельника.

Грин создал в своих рассказах невероятный мир, полный замечательных чудесных, сильных и прекрасных событий и приключений.

Он был суровым сказочником и певцом морских лагуны и портов. Его рассказы были лёгкими и лёгкими повествованиями, как запах задувавших ветров и свежий, печальный ветер.

Почти всю жизнь Грин провёл в подпольных домах, в гробовом, непосильном труде, в одиночестве в нелюбимом. Он был грустным, золотопоскателем, матросом, банщиком, пищиком, но прежде всего — неудачником.

Взгляд его остался чист и ясен, как у ментальной мальчуга. Он не замечая окружающего жил на облачных и веселых берегах.

В последние годы перед смертью в словах и рассказах Грина появились первые намеки на приближение его к нашей действительности.

Романтика Грина была мужественная, веселая и блестящая. Он возмущался в глазах неестественно раздвоенной жизни, полней риска и чуждым высоким жизни, свойственной исследователям, мореплавателям и путешественникам.

Он вымывал упорное желание увидеть и узнать весь земной шар. Это желание было благородным и волнующим. Этим он оправдал все, что написал.

Нынче его был прекрасен. Беру отрывки наугад, открываю страницу за страницей.

«Где-то высоко над головой, перелетая с фальшета на алы, задела одинокая туча, стихая, описала дугу и безвременно легла на песок реки с погрязшим муравьем, тапшиком какую-то очень нужную для него паучку».

«Он слушал игру горнистов. Это была странная поэзия солдатского дня, злегая оставленных деревьев, меланхолия хорошо вычищенных штыков».

«Зима умерла. Весна столкнула ее голой, розовой и дерзкой ногой в сырые овраги, где, лежа ничком в виде мертвенно-белых, оттаявших пластов снега, старуха дышала еще в последней агонии холодного паром, но слабо и безнадёжно».

Грин хорошо выдумывал старые матросские застольные песни:

Не шуми, океан, не пугай.
Нас земля напугала давно.
В южный край,
В светлый рай
Привыкнем все равно!

Он выдумывал и другие песенки, шуточные.

Из книги «Черное море».

Позвольте вам сказать, сказать. Позвольте рассказать.

Как в буре паруса вязать, как паруса вязать.

Позвольте вас на салит вязать, ах, вас на салит вязать! И в руки мокрый шкот вам дать, вам шкотик мокрый дать!

В Старом Крыму мы были в доме Грина. Он белел в густом саду, заросшем травой с душистыми венчиками. В траве, еще свежей, несмотря на позднюю осень, маялись листья ореха. Слабо жукали последние осмы.

Маленький дом был прибран в безмолвие. За окнами легкой сияющей дымкой лежали далекие горы.

Простая и суровая обстановка была скрашена только одной гравюрой, висевшей на белой стене, — портретом Элара По.

Мы молчали, несмотря на множество мыслей, и с волнением осматривали суровый уют человека, обладавшего даром мочуемого и чистого воображения.

Этот человек — бесконечно одиозный и не утешительный в раскатах революционных лет — сильно тосковал перед смертью о людях. Он пролежал в постели и не хотел бы одного человека, читавшего его книги, чтобы увидеть его, поблагодарить и узнать, наконец, запоздалую радость общения с людьми, ради которых он работал. Но было поздно. Никто не успел прийти в утешение, ласкающий от железных дорог провинциальных городов.

Грин попросил поставить его кровать перед окном и все время смотрел в него. Может быть, их цвет, их сияние на горизонте напоминала ему любимое и покинутое море.

Только две женщины, два человека излюбленной человеческой простоты были с Грином в дни его смерти — жена и ее старуха-мать.

Перед уходом из Старого Крыма мы прошли на могилу Грина. Камень, стертые цветы и куст терновника с колючими илами — это было все.

Взвздн желтели стены, было видно море за феодеийской и полукругом гор, заросших густым буйковым лесом.

Все зарастало. Бела заметная тропинка вела к могиле.

Я подумал, что через много лет, когда мы выйдем из города на старую пыльную дорогу, — что впереди — самое благодарное из всех злых в жизни — человечество. Если раньше могли быть никому неизвестными мыслителями, писателями и поэтами, то теперь этого не может быть и не будет. Мы выжили как из прошлого ценности, как вынужденный аток, и превращаем в крепкое вино. А это бродящее соко в книгах Грина очень и очень много.

Я согласился с ним.

Мы вышли в горы. Солнце катилось к закату. Его чистый диск коснулся облетевших лесов. Ночь уже шла по ущельям, и в сухих листьях шуршала, укладывалась спать, птицы и горные мыши.

Первая звезда загрохала и осталась, как золотая пчела, растерявшаяся от зрелища осенней земли, плывущей под ней глубоко и тихо.

Я оглянулся и увидел в прорезе ущелья тот холм, где была могила Грина. Звезда бласнала прямо над ним.

Редуты, где играют ученики известного польского артиста Остера. В подвальном этаже, в круглом и низком зале, без занавеса и раммы молотые артисты играют пьесу, которая называется «Теория Эйнштейна».

Содержание легко рассказывать вкратце. Это относится к тому, как конец паучного доклада о теории Эйнштейна, вместо профессора проинтовала стенографистке горничная. Профессор прочел доклад полностью в научном обществе, и там с трудом заметила, что материал некорректен по мысли доклад кончается клерикальной, польской болтовней, сочиненной глумливой горничной. Однако этого история, ничем не повредила профессору. Наоборот, клерикальные круги делают ему славу и прощывают его благословенность. И все содержание пьесы. Нет, нельзя сказать, чтобы это была хорошая пьеса. Тем не менее «Теория Эйнштейна» — оригинальный и интересный материал для комедии. Вот, пожалуй, самое положительное, что можно отметить в репертуаре варшавских театров.

Эти путевые заметки были бы незаконченными, если бы в них ничего не было сказано о встречах с литераторами. К сожалению, эти встречи были очень короткими и поверхностными, и в этом несколько не повинен автор «путевых заметок».

Несколько режиссер, бранных писателей Кален-Балдромским и поэтом Казимиром Беллинским, не могут изменить разобщения между современной польской литературой и литературой старой страны. Слишком широкая пропасть между советской литературой и литературой страны, которая волею правительственных кругов втянута в орбиту фашистского влияния. Однако надо сказать, что истинно талантливых писателей тягостят эти официальные связи. Они ничего не ждут от страны, где литература и искусство находится под фельдфебельским сангом Геббельса.

Одно отчаянное воспоминание — строфы из «Мелкого режиссера» Пушкина, переведенные поэтом Тувином. Это настоящая поэзия, передающая силу и мудрость нашего Пушкина. Пушкин прозвучал на польском языке почти так же, как он звучит в оригинале. В этом успех и победа польского поэта Тувина. Хорошо еще то, что этот успех польской поэзии как бы приурочен к столетию годовщины со дня смерти великого национального русского поэта.

В Варшаве, где играют ученики известного польского артиста Остера. В подвальном этаже, в круглом и низком зале, без занавеса и раммы молотые артисты играют пьесу, которая называется «Теория Эйнштейна».

Содержание легко рассказывать вкратце. Это относится к тому, как конец паучного доклада о теории Эйнштейна, вместо профессора проинтовала стенографистке горничная. Профессор прочел доклад полностью в научном обществе, и там с трудом заметила, что материал некорректен по мысли доклад кончается клерикальной, польской болтовней, сочиненной глумливой горничной. Однако этого история, ничем не повредила профессору. Наоборот, клерикальные круги делают ему славу и прощывают его благословенность. И все содержание пьесы. Нет, нельзя сказать, чтобы это была хорошая пьеса. Тем не менее «Теория Эйнштейна» — оригинальный и интересный материал для комедии. Вот, пожалуй, самое положительное, что можно отметить в репертуаре варшавских театров.

Эти путевые заметки были бы незаконченными, если бы в них ничего не было сказано о встречах с литераторами. К сожалению, эти встречи были очень короткими и поверхностными, и в этом несколько не повинен автор «путевых заметок».

Несколько режиссер, бранных писателей Кален-Балдромским и поэтом Казимиром Беллинским, не могут изменить разобщения между современной польской литературой и литературой старой страны. Слишком широкая пропасть между советской литературой и литературой страны, которая волею правительственных кругов втянута в орбиту фашистского влияния. Однако надо сказать, что истинно талантливых писателей тягостят эти официальные связи. Они ничего не ждут от страны, где литература и искусство находится под фельдфебельским сангом Геббельса.

Одно отчаянное воспоминание — строфы из «Мелкого режиссера» Пушкина, переведенные поэтом Тувином. Это настоящая поэзия, передающая силу и мудрость нашего Пушкина. Пушкин прозвучал на польском языке почти так же, как он звучит в оригинале. В этом успех и победа польского поэта Тувина. Хорошо еще то, что этот успех польской поэзии как бы приурочен к столетию годовщины со дня смерти великого национального русского поэта.

В Варшаве, где играют ученики известного польского артиста Остера. В подвальном этаже, в круглом и низком зале, без занавеса и раммы молотые артисты играют пьесу, которая называется «Теория Эйнштейна».

Содержание легко рассказывать вкратце. Это относится к тому, как конец паучного доклада о теории Эйнштейна, вместо профессора проинтовала стенографистке горничная. Профессор прочел доклад полностью в научном обществе, и там с трудом заметила, что материал некорректен по мысли доклад кончается клерикальной, польской болтовней, сочиненной глумливой горничной. Однако этого история, ничем не повредила профессору. Наоборот, клерикальные круги делают ему славу и прощывают его благословенность. И все содержание пьесы. Нет, нельзя сказать, чтобы это была хорошая пьеса. Тем не менее «Теория Эйнштейна» — оригинальный и интересный материал для комедии. Вот, пожалуй, самое положительное, что можно отметить в репертуаре варшавских театров.

Эти путевые заметки были бы незаконченными, если бы в них ничего не было сказано о встречах с литераторами. К сожалению, эти встречи были очень короткими и поверхностными, и в этом несколько не повинен автор «путевых заметок».

Полное собрание од Горация на русском языке выпускает Гослитиздат в переводах размерами подлинника Н. Шатерникова. Издание снабжено гравюрами на дереве худ. Ф. Константинова.

КНИГИ ДОКУМЕНТ ЭПОХИ

Еще один документ героического года, этого которого с гордостью почитают сейчас миллионы массы страны рабочих и колхозников нашей страны — знаменитый отчет совещания Стенографического комитета совещания ЦК ВКП(б) и правительства, выданный Партиядама — второй вклад в серию незаменимых книг о Стахановцах. На этот раз речь идет о стахановских социалистических полях, о величайших комбайнов, больших и сложных машинах, в которых воплощено бурно растущее техническое вооружение нашего колхозного хозяйства. Комбайны уже в этом году сыграли большую роль в росте урожая, в преодолении потерь зерна. С каждым годом вместе с ростом значение в деле осуществления выдвинутого на совещании великим Сталиным лозунга: «... мы должны уже теперь готовиться к тому, чтобы довести в ближайшем будущем, года через три-четыре, ежегодное производство хлеба до 7—8 миллиардов пудов».

присутствовало обещание, так героиче производившее в письме комбайнеров Т. Сталину: «Мы клянемся не стать поста вехи русских в нашей стране. Мы клянемся убраться в будущем году не меньше 600 гектаров на «Коммунаре» и 700 гектаров на «Сталине»».

Выступления переводов комбайнеров и комбайнер на совещании свидетельствуют о громадных успехах нашего колхозного земледелия, о большом политическом и культурном подьеме в массах колхозной молодежи, о производственном и общественном росте девушек-колхозниц, о активной жизни, которая обеспечена каждому честно и творчески работающему «человечу» колхозной партии. И реальных обобщением этих успехов, достигнутых миллионами трудящихся, руководимых коммунистической партией, является замечательная современная речь товарища Сталина. С предельной простотой эта короткая речь воля партии и народа формулирует итоги наших побед и дальнейшие пути борьбы на зерновом фронте.

Выдвинутая задача добиться через три-четыре года урожая в 7—8 миллиардов пудов, товарищ Сталин с исключительной четкостью еще раз подчеркивает важнейшие условия решения этой задачи: «Главное теперь в том, чтобы наладить на кадры, обучить кадры, помочь отстающим освоить технику, выращивать свои для в день людей, способных освоить технику и погнать ее вперед. В этом теперь главное, товарищи».

Книга, собранная военно глубочайшие мысли гениального вождя трудящихся всего мира и простые речи рядовых бойцов великой армии социализма, согрета исключительной близостью трудящихся к большевистской партии, к великому Сталину, волею, как нежный вклад, в каждую заповедку и колхозную библиотеку, в обиход каждой партийной организации города и деревни, она будет долго у

СОВРЕМЕННАЯ ТУРЕЦКАЯ ЖИВОПИСЬ

Трудно говорить о малоизвестном у нас искусстве современной Турции, не впадая в ошибку...

Турецкая живопись в короткий срок добилась больших успехов. Она заявила самостоятельное, явственно отличное своеобразие...

В турецком искусстве нет и тени изнеженности, его грубоватая мужественность свежа. Исные композиционные и цветные построения...

Али Авни — крепкий и темпераментный художник. Очень хороши его пейзажные картины («Айя-София», «Бейязэм»)...

Среды больших полотен выделяется «Аттила». Зия, но жаль, что хорошему пластическому и композиционному началу...

Шота Руставели — переводчик Ферлуэса. В прошлом году Госиздат Армении выпустил «Шах-Наме» в его переводе.

ШОТА РУСТАВЕЛИ НА АРМЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Георг Аспатур закончил перевод с грузинского на армянский язык поэм «Носиян бароу шкуру» Шота Руставели...

Георг Аспатур — переводчик Ферлуэса. В прошлом году Госиздат Армении выпустил «Шах-Наме» в его переводе.

Открыть выставку МАЯКОВСКОГО

Матарова Государственного литературного музея хорошо известны нашим читателям. О тяжелом положении музея мы писали не раз...

ЛИТЕРАТУРА ВОСТОКА

Обширный план издания лучших образцов восточной литературы разработан издательством «Академия».

В ближайшем будущем выйдет третий номер сборника «Восток» посвященный литературе Турции.

Кроме этого издательство обдумывает вопрос о полном издании «Шах-Наме» Ферлуэса...

Издательские планы 1935 г. перевыполнены

План 1935 года Госиздательство по тиражам перевыполнило на 17 проц. вместо 16 млн. экз. вышло 19 млн. экз.

В процессе реализации плана выявилось, что фактические объемы некоторых книг меньше запланированных.

Всего же Госиздательство выпустило по плану 149 названий общим тиражом 1.319.000 экземпляров (102,2 проц. плана).

Вместо намеченных по плану 149 названий издательство выпустило 155 названий общим тиражом 1.319.000 экземпляров (102,2 проц. плана).

«Советский писатель»

Издательство «Советский писатель» перевыполнило производственный план 1935 года.

Вместо намеченных по плану 149 названий издательство выпустило 155 названий общим тиражом 1.319.000 экземпляров (102,2 проц. плана).

1.104 ТЫСЯЧИ ПОСЕТИТЕЛЕЙ

В последние числа декабря прошлого года исполнено пятилетнее выставочное задание Всесоюзного оргкомитета 274 выставки, на которых посетили 21.570 произведений советских и иностранных художников...

9 января в театре Революции состоится премьера «Лестница славы» Э. Сириба. Спектакль поставлен на сцене оперным театром республики М. М. Штраухом...

СОВЕТСКИЕ ПОЭТЫ В ПАРИЖЕ

Выступление на Эйфелевой башне

Вот уже два месяца наши поэты А. Безыменский, С. Кирсанов, В. Луговой и И. Сельвинский находятся в Париже.

Поэты посетили ряд стран. Об их выступлениях на страницах «Литературной газеты».

В конце декабря по инициативе французской радиоконстанции было устроено выступление советских поэтов на Эйфелевой башне.

Если поэт никогда не ставит перед собой вопроса, какова жизнь общества, членом которого он является...

Часто он стремится лично узнать поэта, он пишет ему, он предлагает ему поддержку, он критикует его недостатки, он гордится его успехами.

Творить в этой атмосфере внимательности, творить для такого читателя — большая радость. С каждым днем мы с большой страстью прививаемся к своему читателю.

Вот этим и объясняется оживление произведений поэтов наших поэтов. Это происходит оттого, что наши поэты знают, что они любимы.

Достаточно сказать, что наша страна является единственной в мире, где поэты имеют возможность всеполюбно посвящать себя искусству, не будучи вынужденными заниматься адвокатурой или счетоводством.

ГАБТ СССР И ПУШКИНСКОМУ ЮБИЛЕЮ

В будущем сезоне Большой театр покажет спектакли «Ворон Голубов» и «Русая и Людмила» в новых постановках ГАБТ...

ПЕРВЫЙ РОМАН НА ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ

В 1935 г. Госиздат Якутской республики выпустил роман Бестинаева «Война». Это — первый роман на якутском языке...

В своем романе Бестинаев пытается разрешить большую и ответственную задачу — показать на фоне колхозного строительства и событий, предшествующих возникновению колхозов...

МОНОГРАФИИ ИЗОГИЗА

Тематический план Изогиза на 1936 г. предусматривает издание монографических серий о мастерах русского, русского и советского искусства.

В ближайшее время выйдет монография о Сезанне — Н. В. Яворской, Рембранте — В. М. Немецкой, Корроне — проф. М. В. Алпатова, Давиде — А. Н. Замитиной, Голя — проф. А. А. Сидорова и монография о скульпторе Менье — И. С. Рабиновича.

В 1936 г. предполагается переиздание четырех томов «Мастера искусства об искусстве», I том — эпоха Возрождения, II том посвящен художникам XVII—XVIII вв. в первой половине XIX в. и Шарлену до Курбе, III том содержит высказывания крупных мастеров 2-й половины XIX в. и начала XX в., IV том — русское искусство XIX в.

НОВЫЕ ВЫСТАВКИ

Возмоужно совместно с Музеем изобразительных искусств открываем 18 января в залах Музея выставку акварелей и рисунков художника А. Фопкина.

30 января в музее откроется выставка художника В. Шуаева. В центральном выставочном зале Всесоюзного изобразительного искусства 18 января будет открыта юбилейная выставка двух ленинградских художников — И. Дронова и В. Авялова.

В СЕКЦИИ КРИТИКОВ

5 января в 7 час. вечера в ДСП состоится заседание бюро секции критиков с активом, на котором будет обсуждаться план ближайших мероприятий секции и вопросы подготовки и организации Добролюбовского билея.

СБОРНИК ИЗБРАННЫХ СТИХОВ ЛАХУТИ НА ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКЕ

Издательское товарищество иностранных рабочих в СССР выпустило сборник избранных стихов Лахути «Тысяча строк» на персидском языке.

БЛИЖАЙШИЕ ПРЕМЬЕРЫ

В январе ТРАМ покажет две премьеры: пьесу Ялгуера «Жена товарища» в постановке режиссера МХАТ СССР И. Горюхова В. Я. Станиславского и «Дальнюю дорогу» А. Арбузова в постановке И. Я. Сулакяна. Первой повестью трехактная комедия «Жена товарища».

В пьесе затронуты вопросы товарищеской этики в среде советской молодежи, вопросы отношения к женщине. Драматургический материал дает возможность противопоставить положительный образ современной советской молодежи отрицательным типам пьесы.

СПОРЫ О ПУШКИНЕ

Тов. И. Веспалов в своей заключительной речи сказал, что на трехдневной пушкинской конференции (28-30 декабря) велась в сущности споры о споры: наших пушкинистов, а не о творчестве Пушкина.

В этих словах нет преувеличения. Стержень прошедшей конференции была дискуссия об отвлеченных положениях, вынужденных пушкинистами высказывания о состоянии пушкиноведения, оценка практики ряда литературоведов, но не об оценке или оценке творческих особенностей творчества Пушкина.

Конференция как бы воспроизвела в уменьшенных масштабах недостатки характерные для современной пушкиноведения. Об этих недостатках говорили в своем полемическом выступлении докладе т. А. Сельвинский, А. Пейтлин, Л. Прохоров и многие другие.

Вспомогательная конференция в Ленинграде, которую организовал тов. И. Веспалов, являлась подготовкой к другим совещаниям, где проблема Пушкина будет разрешаться со всей той конкретностью, с которой это позволяет делать нынешний уровень марксистско-ленинского литературоведения.

Такая установка заслуженно под- вергается очень резкой критике со стороны тов. Н. Свирида, М. Храпченко, А. Пейтлина, В. Шкловского, М. Нечкиной и др.

Вам же предстоит 18 томов академического издания Пушкина без привлечения новых кадров, без сотрудничества с молодежью, — заявил В. Шкловский, обращаясь к членам редакционной коллегии пушкинского юбилейного издания.

НОВЫЕ КНИГИ

советская литература М. Горький. Избранные сочинения в 6 томах 2-е изд. Т. IV («Мои впечатления»). «Сторож», «Хозяин».

И. Владский. Большое дыхание. Рассказы. 124 стр. цена 2 р. 35 к. Станислав Крайняк. Жанна Гаузер. Париж — веселый город. 151 стр. цена 2 р. Москва. «Советский писатель».

Михаил Козаков. Десять точек. Роман. Книга II. Издание 2-е, исправленное. Иллюстрации В. Кошачева. 391 стр. цена 8 р. 75 к. Москва. «Советский писатель».

С. Иран. Азия знала доблести и другие рассказы. 204 стр. цена 4 р. 50 к. Москва. Гослитиздат. Николай Островский. Как закалялась сталь. Роман в двух частях. Издание 3-е. 360 стр. цена 4 р. 50 к. Ростов-Дон. Азгиз.

И. Паустовский. Колхоза. Повесть. 133 стр. цена 50 к. Москва, Гослитиздат. В. Савнов. Небо и земля. Роман. Кн. I. 297 стр. цена 4 р. 50 к. Ленинград. Гослитиздат.

Петр Сносарев. Сердце птицы. Роман. 259 стр. цена 4 р. 25 к. Москва. «Советский писатель». А. Фадеев. Последние из удаг. Роман-газета. Кн. 3-я. 61 стр. цена 50 к. Москва. Гослитиздат.

М. Шолохов. Тихий Дон. Роман. Книга I. Иллюстрации С. Г. Королькова. 405 стр. цена 9 р. Москва. Гослитиздат. Уилья Эрнбург. День второй. Роман. 3-е издание. 253 стр. цена 1 р. 30 к. Москва. Гослитиздат.

Ю. Яновский. Всадники. Роман. Авторизованный перевод с украинского П. Зенкевича. 127 стр. цена 1 р. 35 к. Москва, Гослитиздат. Виктор Баргов. Стихи и поэмы. 129 стр. цена 2 р. 85 к. Куйбышев. Крайняк.

А. Безыменский. Горолок. Поэма 2-е издание. Иллюстрации Ю. Пинского. 65 стр. цена, 3 р. Москва. «Советский писатель». Ч.Н. Браун. Поэзия. Стихи. 110 стр. цена 2 р. Москва. «Советский писатель».

Сергей Есенин. Стихотворения. Под редакцией В. Казина. Вступительная статья А. Сельвинского. 373 стр. цена 7 р. 50 к. Москва. Гослитиздат. Василий Наменский. Уральские поэмы («Белый Путь», «Встреча с миром» и др.). 237 стр. цена 3 р. 50 к. Свердловск. Облгиз.

Ануб Колос. Избранные стихи. Перевод с белорусского, под редакцией М. Исаковского. 135 стр. цена 2 р. 50 к. Москва, Гослитиздат.

Ответственный редактор Л. М. СУБОЦИН. ИЗДАТЕЛЬ: Журналино-газетное объединение. РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретенка, Последний пер. д. 26, тел. 68-61 и 4-34-60. ИЗДАТЕЛЬСТВО: Москва, Стрешневский бульвар, 11, тел. 4-68-18 и 5-51-99.

Подписная цена на «Литературную газету» 72 коп. в год — 21 руб. 60 коп. 6 мес. — 10 руб. 80 коп. 3 мес. — 5 руб. 40 коп.

РЕДАКЦИЯ СЕРИИ «ИСТОРИЧЕСКИЕ РОМАНЫ» выпускает следующие книги: Кнута Гамстада «Борьба за огонь», Ф. Дан «Аттила», Шнейкель «За свободу». ПОЗДНЕШИЕ ИЗДАНИЯ. Адрес редакции: Москва, 6-й Самотечный пер. 17.

ФОТОИЗДАТ. СОЮЗФОТО ВЫПУСТИЛ СЕРИЮ Л. Н. ТОЛСТОГО в серии даны 15 открыток: портреты Л. Н. в разные годы его жизни, снимки скульптур Андреева, Гибурга и др. и фотографии Иной Поляны.

Цена в папке 4 руб. 50 коп. Трехязычные названия: Москва, В. Дятлова, д. 1/3, Фотозапад — Союзфото.

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО Открыта подписка на 1936-й год на журнал РЕЗЕЦ литературно-художественный и иллюстрированный журнал.

«РЕЗЕЦ» печатает произведения крупнейших советских и западно-европейских писателей, а также лучшие произведения рабочих и колхозных авторов. «РЕЗЕЦ» имеет всесоюзную литературную консультацию. Выходит 24 номера в год.

Подписку направлять в Ленинградское областное издательство — Ленинград, 125, Торговой пер. 3, или сделать в ближайшем почтовом отделении, организатором подписки на фабриках и заводах и письменно.

Государственное Изд-во «Художественная Литература» С января 1936 года выходит при журнале «Литературный критик» ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

критико-библиографический двухнедельник под редакцией М. Розенталя «Литературное обозрение» ставит своей задачей ознакомление широких кругов советских читателей со всеми выходящими у нас поимками советской и зарубежной художественной литературы, изданиями советских и иностранных писателей, книгами по истории и теории литературы и критическими работами.

«Литературное обозрение» рассчитано на самый широкий круг читателей и должно быть популярно-библиографическим двухнедельником, связывающим массового читателя с художественной литературой. Простота и ясность изложения в рецензиях «Литературного обозрения» будет даны углубленная и всесторонняя оценка выходящих книг. К участию в «Литературном обозрении» приглашаются лучшие критические силы.

«Литературное обозрение» будет иметь следующие отделы: 1. Советская литература. 2. Классика (русские и иностранные). 3. Современная иностранная литература. 4. Теория, история литературы и критика. 5. Библиографические указания и справочники.

Кроме того, в «Литературном обозрении» будут даваться систематические обзоры очередных номеров основных литературно-художественных журналов. «Литературное обозрение» будет помогать работникам массовых, заводских и колхозных библиотек в подборе и рекомендации книг читателям и учащимся. Будет давать полную информацию о всей выходящей литературно-художественной продукции и явится справочным изданием для всех интересующихся литературой. Заулычельник будет выпускаться раз в месяц. Подписная цена: 12 мес.—19 р. 20 к., 6 мес.—9 р. 60 к., 3 мес.—4 р. 80 к. Цена отдельного номера 80 к. Подписка принимается всеми отделскими, заводскими, колхозными, школьными, университетскими, клубными, а также в Главной Конторе подпольных и периодических изданий Копия — Москва, Марсовская, 1.